

Сборник литературного творчества,
посвященный 95 - летию Уватского района
и памяти Владимира Константиновича Гусейнова

Вдохновение...

СБОРНИК СТИХОВ И ПРОЗЫ

Уват
2019

УДК 82-1
ББК 84.5

Вдохновение... : сборник стихов и прозы / сост. Тамарова Е.Г., Симухина Н.В., Вторушина Е.А., Лысова Ю.А. – Уват, 2019. – 150 с.

УДК 82-1
ББК 84.5

© Тамарова Е.Г., Симухина Н.В., Вторушина Е.А.,
Лысова Ю.А. составление, 2019
© Дизайн, верстка. ООО «ИПЦ «Экспресс», 2019

Дорогие друзья, уважаемые земляки!

Нам с вами вскоре предстоит с огромным удовольствием окунуться в замечательный мир поэзии и прозы коллективного сборника, в котором сконцентрирован творческий труд уватцев.

В этом уникальном издании ярко выражены: любовь к природе родного края, трепетное отношение к родным и близким и просто знакомым, невероятный оптимизм и вера в светлое будущее, без которых жизнь теряет всякий здравый смысл.

Вне всякого сомнения, мы безгранично счастливы тем, что живём в этом чудесном, неповторимом краю, где рядом с нами такие талантливые, творческие личности. Отрадно также, что этими людьми пронизан Уватский район полностью – от малых сёл и деревень до крупных населённых пунктов и посёлков.

Каждый из пишущих стихи и прозу находит то интересное и захватывающее душу яркое событие, которое произошло на территории, где он родился и проживает.

Это – замечательно!!!

Искренне желаю всем приятного чтения, а авторам этого замечательного сборника – дальнейших творческих успехов и новых талантливых произведений.

*С огромным уважением
Владимир Гусейнов,
06.09.2019*

Воспевать тебя
я не устану!

Край родной не выбираешь...

Край родной не выбираешь -
Где родился, там растёшь.
Но душою прикипаешь к той земле,
Где ты живёшь.
Пусть здесь солнца маловато,
Моря тёплого пусть нет,
Но для гордости, ребята,
Мы всегда найдём предмет.
Нет, «предмет» сказать не верно,
Мы гордимся всей душой,
Всем, чем сердце напитали
От своей земли родной.
Всем, что с нами до могилы
Будет в сердце навсегда -
Мудрость предков и их слава,
Честный труд и доброта.
И родимые берёзки,
И метели, и пурга,
И весенние капли,
И журчанье ручейка.
Край родной не выбираешь -
Где родился, там растёшь.
И не знаешь, кто решает,
Почему ты здесь живёшь?
Может Бог, а может, звёзды?
Ну, а может быть, Судьба?
Я не знаю, но доволен
Их решением, друзья.
Обращусь ко всем к ним сразу,
И скажу им: «Очень рад,
что земля моя родная,
край родной – родной Уват!»

Валерий Лавриненко, п. Демьянка

Родной поселок

Суровая, таёжная, родная
Земля хранит веками строгий вид.
Здесь тонкий стан ветвистая осинка
Обнять с могучим кедром норовит.

Но тихий шепот родников таёжных
Разбил машин могучих громкий пыл,
И голос песни комсомольской
О стройке новой возвестил.

Так появилась станция Демьянка,
Прекраснейшая родина моя,
Где по утрам торопят спозаранку
В далекий путь красавцы-тополя!

В любое время года ты прекрасна:
И в холод, и в мороз, и в зной,
Когда сияет солнце в небе ясном,
Когда качает кедры ветер злой.

Растет поселок, с каждым годом хорошеет,
Цветут сады, и строятся дома.
Я знаю, жители его всегда сумеют
Сберечь всё то, что родина дала.

И я люблю, люблю мою Демьянку,
Ведь родилась сама в посёлке том.
Всегда спешу туда я с полустанка,
Где моя жизнь, и школа, и мой дом!

Анастасия Rogozina, п. Демьянка

Мой Муген

Пусть бушуют зимой метели,
И морозы за минус сорок.
Вы поймите, что это север.
Мой Муген, ты мне очень дорог.

По тебе я скучаю в разлуке
И в горах, и на Черном море.
Позови, протяну свои руки,
Разделю с тобой радость и горе.

Приезжали сюда «на время»,
Жили дружно, не знали скуки.
Незаметно промчались годы.
Вот уже подрастают внуки.

Нефть бежит по натруженным венам.
Сбережем мы богатство наше.
Расцветай же, поселок любимый!
Становись с каждым годом все краше!

Людмила Андреева, п. Муген

Малая Родина

*Посвящается матери –
Куклиной Ефросинье Семеновне и ее землякам*

Когда немного грустным
Окинешь взглядом даль,
Где берег в синей дымке
Иртыш уводит вдаль.

Стояли здесь когда-то
Селения Руси,
Что в памяти народной
До сей поры живы.
Савино, Рачево,
Гатилово – места,
Места, где право слово:
«От Бога красота!»
Здесь нет домов тех старых,
Кругом поля, леса...
Очаг стеблей крапивных
Остался от села.
Здесь жили наши предки,
Звучал ребячий смех...
И мысленно...Хоть редко,
Мы вспоминаем всех.
Савино, Рачево,
Гатилово – места...
Места, где право слово
От Бога красота!
Пусть чаще будут встречи,
Как память старины...
Зажжем же в храме свечи
По не вернувшимся с войны...
Всплакнем-же по ушедшим,
На фото они есть...
И всем от них пришедшим
Хранить! И дальше несть!
Окрестности Демьянска,
Возле большой реки...
Прекрасная стоянка!
Родные земляки!

Александр Куклин, п. Першино

Родное село

Высокий яр...лесов могучих гладь,
Седой Иртыш течет неутомимо,
И церкви старой купола видать,
Демьянское мое - ты так красиво!
Краса твоя душистой пахнет хвоей,
Звенит гармошкой и песней у реки,
В ладошку, золотой упав звездою,
Зовет и манит в тишине ночи...
История твоя полна событий:
Ямщины дух еще живет в тебе,
Князек Нимьян, небытием прикрытый,
Он первый дал отчет твоей судьбе...
Давно уж не слыхало ты, я знаю,
Звон бубенцов и песен ямщика,
Сквозь время мчится тройка удалая
И свист протяжный слышен с облучка.
Тебе бы позабыть...да не забудешь,
Как обходили тебя милостью цари,
И как к тебе со всех концов России
Опальных, гордых бунтарей везли...
Избушек, покосившихся заборы
Собой закроют память о былом...
Здесь дом моей прабабушки Федоры
И тень ее как будто за окном...
Люблю я подойти к его калитке
Здесь дышит все покоем и теплом,
И тонкой, словно паутинка, ниткой
Родных всех свяжет этот старый дом...
Лист золотистый упадет мне в ноги,
Рябины гроздь ударит по стеклу.
За жизнь мою, за мысли без тревоги
Село родное я благодарю!
Благодарю за птиц веселых пенье,

Благодарю за радость и печаль,
За дней моих, прекрасные мгновенья!
За то, что есть еще о чем мечтать!
За то, что есть еще к чему стремиться
Твою любовь, твое участие ко мне
Мне предстоит познать и научиться
Достойно жить в своем родном селе!

Ксения Соколова, с. Демьянское

Любимый поселок

Я родилась в Демьянке,
Всё мне знакомо здесь:
И храм наш величавый
И реченька с мостом.
Люблю я свой поселок,
Люблю его снега,
А летом - свежей зеленью
Покрытые луга.
Ну что еще сказать мне,
Не выскажешь всего,
Нет лучше во вселенной
Поселка моего!

Маргарита Суслина, п. Демьянка

Солянка

Родились мы с тобой в Солянке,
Деревянное было жильё.
Здесь прошло и промчалось так быстро
Босоное детство моё.

Припев:
Ой, Солянка, моя ты, Солянка,
Хорошо, что мы выросли тут.
За околицей и под горою
Разноцветные травы цветут.

А за ней все поля, пересёлки,
А за ними большая тайга.
Красотою она нас пленила,
Дикоросами кормит она.

Припев.

Под горою Иртыш величавый,
Он кормил нас и кормит сейчас.
Только вот оскудели запасы,
Те, что мы не хранили подчас.

Припев.

Здесь прошло всё: и детство, и юность,
Незаметно и старость пришла,
Но с тобою душою мы юны,
Дорогая деревня моя.

Нина Каюкова, д. Солянка

Деревенская благодать

Благостно в деревне летом,
Встать на зорьке поутру.
В драгоценных переливах
Вся трава блестит в саду.

Первыми проснулись пташки,
Разговоры завели:
Вот малиновка запела,
Вторят ей скворцы в дали.

К солнышку свои головки
Тянут аленьки цветы,
И блестят на лепесточках
Драгоценности росы.

А на грядках в пупырышках
Развесёлы зеленцы,
И хрустишь ты вкусно-смачно
Поедая огурцы.

Ягодки клубнички спелой,
Наклоняясь, в рот кладешь.
Вкусноты невероятной,
Сколько съешь и не поймешь.

И бредешь в саду босая,
Чувствуя тепло земли,
Силой жизни наполняя
Ран истерзанной души.

Ты - частичка в этом мире,
Всюду - Божья благодать.
Будто крылья вырастают:
Птицей хочется летать!

Понимая, не напрасно,
Что нашел - побереги.
Не нарушь ты благодать,
Связь с природой сохрани!

Галина Пузина, с. Демьянское

Деревеньки мои

Заимка, сердцу милая деревня,
Все чаще вспоминаю я тебя.
Где родилась, где детство пролетело,
Подружки, одноклассники, друзья.

Домишки окнами под горку
Одною улочкою в ряд
И баньки, по увалице пологой
На речку нашу, одноглазые глядят.

Нас ребятишек было в каждом доме
Пятерка или может семь,
Но мы росли и счастья детства
Скажу я точно было всем.
Я помню свою бабушку родную
Её рассказы, сказки нам по вечерам
И русскую битую печь большую,
Которая кормила и тепло давала нам.

И этот хлебный дух буханки круглой,
Что в той печке испеклось,
И вкус конфет с паренок репных
Калиновой кулаги в чугунах.

Воочию я вижу наш домишко
Под крышею одною со двором,
Амбар на улице, в сенях сусеки
Полны по осени нам выданным зерном.

Пшеницу на муку тогда мололи
В селе Новом - я это помню хорошо.
Была там школа, клуб, больница,
Маслозавод-переработка молока.

Село в ту пору было для меня
Как город, гордились люди тем
Селом, трудилось сколько там народу.
Куда девалось всё потом?

Да, сколько деревень и сел тогда распалось,
Разъехался народ-трудяга кто, куда?
Ну, а дома в деревнях деревянные погнили,
Остались лишь от них пенечки да труха.

И зарастают те деревни:
Трава, крапива, лебеда.
Деревни те, как люди сироты
Умирают; лишь в памяти
Еще живущих старожил
Они остались навсегда.

Галина Пузина, с. Демьянское

Мой край – как рай

Это классно, что выпало нам
Жить в стране, под названьем Россия
Есть в России Уватский район
Наша с вами надежда и сила
Мы же счастливы с вами втройне
Мы живем, в уголочке Сибири, а вокруг голубая тайга
«Важно, что б мы её сохранили!»
По нескошенной ниве бреду,
Вспоминаю про годы бывлые,
Как трудился народ до поздна,
Как косились травы густые.
Все давно поменялось у нас
И закон, и народ, и работа
Только те же кормильцы всегда;
«Наши реки, леса и болота»
Катит воды могучий Иртыш
Под хрустальным своим одеялом
Вы представьте себе - хоть на миг,
Что его вдруг совсем бы не стало,
Вдруг не станет лесов и болот.
Сохрани нас господь от кошмаров
Ведь не зря же таблички висят
«Берегите леса от пожаров»
Люди, нам это богом дано!
Все богатство, что нас окружает
Невозможно без страха смотреть,
Когда лес от пожара пылает.
Кому как, а мне больно до слёз
Каждый раз слышать все эти факты
Очень часто твердят в новостях
«Виноват – человеческий фактор!»

Любовь Букаринова, д. Солянка

Сибирь

Сибирь - любимый край, ты дикий и суровый,
Где снег в апреле, в августе – метель.
А люди добрые, до удивления простые,
Когда уходят из дому не запирают дверь.

Сосновый бор на берегу крутом реки могучей.
Признанья глухариные на токовище по утру.
Кедрач угрюмый с песнею скрипучей
К ногам твоим рассыплет шишки на траву.

Бескрайние болота и урманы
Покрыли мерзлоту зелёной шалью мха.
Где тихо, низко стелются туманы
И слышен трубный зов оленя-вожака.

На первый взгляд скудна и необщительна природа,
Но нет таких щедрот в любом другом краю,
Когда и язь, и нельма в Иртыше в любое время года,
А на болоте клюква и брусника – кушай не хочу.

А сколько старины в краю родным и тихом
И декабристов путь, и староверов скит.
Кандальный звон в дали бескрайней слышен.
Ямщик уставший, в мерзлых санях спит.

Да не порвётся нить, связующая время.
И в памяти людской оставит на века
В краю сиянья северного, вышки нефтяные,
Шатры Кучума, войско Ермака.

Екатерина Михайлова, с. Горнослинкино

Мое село

Моё село, пусть не родное,
Не здесь меня родила мать.
Но ты до боли дорогое
Как часть души, как жизни стать.

Болотами окружено, лесами.
С горы с любовью смотришь вот уж 300 лет
На Царский тракт, Укинский сор и яму с осетрами,
Что на Ирыме в Иртыше зимуют до сих пор.

Взрослею я. Уходят годы.
Но ты лишь краше и светлей.
И новые дома детей и внуков наших
На улицах твоих растут, как от дождей.

Тебя селяне любят и лелеют,
Скребут бугор пред домом по весне.
И разноцветье крыш, и пластиковых окон отраженье,
Всё говорит о нежности к тебе.

Моё село, ты пристань дней моих счастливых.
Судьбу благодарю за доброту,
За то, что привела меня сюда, остановила,
Здесь жизнь дала прожить, любить, родить детей и
видеть эту красоту.

Екатерина Михайлова, с. Горнослинкино

Радость встречи

Как ты встретила нас, не забыть этот день -
Сотни радостных лиц и огромного счастья,
Мы в объятьях твоих задохнулись, Тюмень,
Навсегда захотели с тобою остаться.
Над рекою Турой тихо таял туман,
Обнажив красоту берегов неповторных.
Теплоходным гудком прогудел капитан,
Оставляя в глазах наших блеск восхищенный.
А над городом зрел, зажигал новый день.
Смело радуясь жизни возврата,
Словно вымыт в росе милый город Тюмень.
Чистый, светлый глядит в свое завтра.

Владимир Гусейнов, п. Туртас

Моя Тюмень

Зажглись огни над речкою Турою
И словно в зеркале люблюсь я тобой
Моя Тюмень, ты стала мне родною,
Вся моя жизнь наполнена тобой.
Тебя сравнил я в тех семидесятых,
Невзрачно серой ты предстала предо мной,
Но все, охваченные будущим крылатым,
Мы ничего не замечали пред собой.
«Дашь! Вперед!», - вокруг гремело,
«железку» строить, газ и нефть искать.
И ты за нами убежать хотела,
Чтоб вместе строить, жить и созидать.
Прошли года, мы степенными стали
И поседели головы друзей.
Тюмени мы свой труд, талант отдали,

Чтоб всех была ты краше и светлей.
Я вновь и вновь смотрю на милый город,
Гордясь твореньем рук родных людей.
Для нас ты будешь вечно молод
Душой, распахнутою улиц, площадей.

Владимир Гусейнов, п. Туртас

У нас с тобой, район, одна судьба

Район Уватский, ты мне люб и дорог
Природой щедрою, людскою добротой.
По меркам историческим ты молод -
У нас еще все впереди с тобой.

Твой верный путь в добро нацелен
Легко мы приспособились к нему,
И труд, и опыт земляков бесценен.
Он впишет в летопись страницу не одну.

Нам славно жить одной судьбою,
Надеждою и радостью делясь,
Так дай нам, Боже, жить с тобою,
Чтоб счастье и покой оберегали нас.

Владимир Гусейнов, п. Туртас

Земля Уватская

Уватская земля - чудны твои просторы,
К ним я прирос всем сердцем и душой.
Люблю твои леса, поля, озёра,
Судьба моя наполнена тобой.

Твои печали. Радости и горе
Зеркально отражаются во мне.
Никто нас не заставит жить в неволе,
С бедой любую справимся вполне.

Ты научила нас любить свободу,
Семью и дом, где родились, не забывать.
Ты упоительна в любое время года,
Ты - наша жизнь, ты- родина, ты- мать!

Владимир Гусейнов, п. Туртас

Уватская земля

На Сибирской равнине
Вдоль берегов Иртыша
Словно белые крылья
Простирает тайга.

Словно нет ей начала,
Будто нет ей конца
На реке той могучей
Процветает Уватская земля.

Как в старинной той песне:
- Ой сторонка моя,
Как ты век проживала,
Как сложилась судьба?
И как будто столетья
Повернулись вдруг вспять,
Что же было здесь раньше,
Чтоб могли мы узнать.

И картинка предстала
Из глубинки веков
Много здесь обитало
Вольных остяков.

Здесь селькупов и ненцев,
Хантов жил тут народ
Мирно жили трудились,
Разводили свой скот.

И посуду лепили,
Пряли, ткали полотно,
Рыбу в речке ловили,
Добывали зверьё.

Пролетели столетья
Жизнь другая пошла,
Только стала ещё краше
Ты родная земля.

И народ твой сибирский
С годами сильнее лишь стал.
Силой духа и сердцем,
Словно он покрепчал.

Светлана Косенцева, с. Ивановка

Легенда возникновения Ивановки

Судьба Уватского района –
Судьба и нашего села.
Как в жизни всё неразделимо,
Ивановка с Уватом шла.

Но не бывает в нашей жизни
Две одинаковых судьбы.
От каждой речки вытекает
Свой ручеёк, свои мечты.

И то ли сказка, то ли быль:
Легенда нашего села
Передавалась по преданью,
До наших дней из уст в уста.

В край сибирский, край привольный,
Где кругом одна тайга,
Не своей, а царской волей
Ссылных выслали сюда.

Тут, в обители богатой
Кошкаров завёл семью.
У Тургаса, речки рыбной,
Пять сынов бог дал ему.

Золотится рожь густая,
Колыхаясь на ветру.
Пять сыночков, вырастая,
Завели свою семью.

И Иванка, самый младший,
Должен место подыскать,
Чтоб построить дом широкий,
Где с женою жить начать.
Вот поднялся он на гриву,
Там, под шапкой сосняка,
Огляделся – тихо всюду
И кругом одни леса.

В четырёх верстах есть речка,
Плещут воды Иртыша –
Будет рыба, будет пища,
А в тайге полно зверья.

И сказал Иванка: «Ладно!
Лучше места не найти.
Здесь основываться надо,
В чудном уголке земли!

Осенил себя крестом он,
В свои руки поплевал
И топор из опояски
С острым лезвием достал.

Так Ивановка возникла,
С тех времён живёт она,
И в сердца наши проникла,
И любовь нам всем дала!

А поблизости и братья –
Афанасий, Куприян.
По округе расселились
Михаил и Емельян.

Они основу заложили
Для селений небольших
И назвали те деревни
В честь основателей своих.

Ты живи, район Уватский!
Ты живи сто тысяч лет!
Сил тебе и процветанья,
Светлой радости на век!

Светлана Косенцева, с. Ивановка

Дорога навсегда

Луч солнца лишь забрезжит на восходе,
Окинув взором земляное полотно,
Бригада, как всегда, в любое время года
Уже железку строит за звеном звено.
За светлый день рекорды бьют ребята,
Путеукладчик устает, но не они,
Четыре километра рельсов до заката,
И это вовсе не предел для них.
Молозин строгим взглядом созерцает,
Следит за результатом общего труда,
В глазах отцовская лукавинка играет.
Что трудно спрятать иногда
За бригадирской строгостью порою
Видать, не мало пройденных путей.
Он Абакан-Тайшет дорогу строил,
Приехал покорять Тюмень.
Преодолев с бригадой тундру и болота,
Перебороли гнус, жару и холод вечной мерзлоты,
Мужскую с честью сделали работу,
Исполнились заветные мечты.

По поясу железному сегодня ежечасно
Идут составы пассажирские и грузовые поезда,
И люди вспоминают очень часто
Тех, кто построил им дорогу навсегда.

Владимир Гусейнов, п. Туртас

Николаевское

Белой церквушки купол
Тускло мерцает над полем,
Сердце тревожит стуком-
Родина - русским привольем.

Я не забыл изгибы
Речек твоих и дол,
Шумных вёсен разливы,
Летних ромашек подол.

Там в земляничной постели
Мама меня родила,
В майской крестили купели,
Пела весна в куполах.

И не от той ли закваски,
Хлеба ржаного в печи,
Принял я детские сказки
В сердце запалом свечи.

Нет, не забыл я Родину,
Яркий сирени куст,
Не потому ли бродит
Соком берёзовым грусть.

Здесь в колосистых нивах,
В зорях над нашим селом,
Кировских песен разливы
С материнским впитал молоком.

Александр Минин, с. Уват

Я не жалею ни о чем

Посвящается передвижному клубу с. Уват

Я не жалею ни о чём,
Что довелось прожить на свете!
И пусть сбылись не все мечты,
Растут мои родные дети.

Я благодарен людям тем,
Кто ждет и любит нас, встречает,
В далеких малых деревнях
С любовью крепко обнимает!

Где со слезами на глазах
Нас провожают до порога,
И по заснеженным местам
Нас ждет опять домой дорога.

Живут там люди, как везде,
Переживая все ненастья,
В Уватской дальней стороне
Царит любовь, не дремлет счастье.

Затопят печь и сядут дружно,
И будут ждать нас у окна,
Ведь важно быть кому-то нужным,
Ведь это - родина моя!

Под песни, что тревожат душу,
Слеза стекает по щеке.
Улыбки их развеют стужу
И лед растает на реке.

Мы будем петь, пока поётся,
Мы будем жить для вас, друзья,
И наш П.К. к вам доберётся,
Неся культуру к вам не зря!

Иван Зольников, с. Уват

Вера

По равнине лошадь бежала.
И повсюду трава зеленела.
В весь опор эта лошадь скакала,
Словно птица по небу летела.
Здесь растут и цветы, и ромашки.
В небесах воробьишки звенят.
На деревьях малютки-букашки,
А в траве - ручеёчки журчат.
Солнце ласково очень, игриво
Все предметы вокруг слепит
Ветерок, развивая гриву,
Вместе с лошастью быстро парит.
Черноцветны глаза лошадины
Смотрят прямо и твёрдо всегда.
И мелькают поля и равнины,

Вместе с ними мелькают года.
Но есть мир, он жестокий и злой.
Как-то раз лошадь люди словили,
Потащили её за собой,
В своё рабство её заключили.
Каждый день просыпалась с зарёю
И должна была землю пахать,
Но жила эта лошадь мечтою,
Что получится ей убежать.
И однажды совсем уж решилась,
Не стерпела побоев и боли.
Сердце смелое быстро забилося,
Вспоминая свободу и волю.
По равнине лошадь бежала,
А над нею сгушались тучи,
Буря злобственно завывала,
Ей же вторил и ветер жгучий.
Лишь надеждою лошадь жила,
Что увидит поля и цветы.
И тропинку, что раньше вела
К стоку чистой, прохладной воды.
Камни жестко царапали ноги,
Жажда мучила вольную грудь.
Пробежала уж много дороги,
Не давая себе отдохнуть.
И однажды увидела зелень,
И цветущие пестро цветы,
Услыхала как птицы запели
И примкнула к истоку воды.
По равнине лошадь бежала,
И повсюду трава зеленела,
Но сейчас оттого лишь скакала,
Что из плена сбежать захотела.
В этой лошади вера жила
И на камни упасть не давала.

Снова волю себе обрела
И родные края увидала.
Так и ты, человек, не сдавайся!
Лишь надейся, люби, в Бога верь.
Будь счастливым. Всегда улыбайся
И откроешь свободы дверь.

София Меркулова, с. Уват

Скрипка

Очень страшная, дряхлая, старая скрипка
Вызывала на людях одну лишь улыбку.
«Что ты, мил человек, заработать с ней сможешь?
Хоть трудись целый век, ей ничем не поможешь!»
Музыкант только встал,
Головой покачал,
Очень нежно по скрипке смычком пробежал.
Из -под ловких, пластичных и знающих рук
Поначалу раздался пронзительный звук.
Вдруг раздался в толпе иронический смех:
«Вот такой, господин ожидал вас успех!
Я же знал, говорил...»
...Вдруг его перебил
Тот же звук, только более легкий, игривый.
Пробежал по толпе, словно конь шаловливый.
Направляема сим музыкантом умело,
Вскоре ясная музыка к небу летела.
И подобно волне, в тихом городе Рига
Завладела народом большая интрига.
Вскоре все позабыли о дрянности скрипки,
Что недавно у всех вызывала улыбки.
Вскоре каждый лишь дивную музыку слушал,
Пропитавшей их серые, мрачные души.

Здесь пониже, потише, а здесь высоко.
Тяжелей, чуть повыше, игриво, легко.
Музыкант, словно вместе со скрипкой парит,
Улыбаясь тихонько, на небо глядит.
Человек из толпы в это время стоял,
Новый внутренний мир для себя открывал.
Ведь главнее не то, что снаружи заметно,
Но главенствует то, что порой неприметно.
В скрипке видим мы дряхлое, старое тело,
Что людей осчастливить собою сумело.

София Меркулова, с. Уват

Вечер встречи

Как давно мы были молодыми
И ходили в школу в первый класс,
А теперь вот встретились седыми,
Внуки наши учатся сейчас.

Многих нас судьба поразбросала
По далеким, близким местностям,
А тоска с годами возростала
По селу, по школе и по вам.

Где учились, мы не забывали,
Голос детства в сердце не утих
И учителей мы вспоминали,
Нам хотелось походить на них.

Помнили мы речку возле школы,
Хлебные поля и запах трав,
А еще родные нам могилы
Переживших много и трудяг.

Мы все очень сильно изменились,
Но не будем здесь грустить сейчас.
Многому мы в жизни научились
И сегодня вальс звучит для нас.

Как давно мы были молодыми
И ходили в школу в первый класс,
А теперь вот встретились седыми,
Внуки наши учатся сейчас.

Раиса Порвина, п. Першино

Таяжная история

Сказ

*Посвящаю памяти моего прадеда
Бехметьева Трофима Семеновича*

I

Случилось это давным-давно в глухой сибирской тайге. Пошёл Савельич, бывалый охотник, на промысел. Любил он в одиночку с собаками верными на зверя ходить. Бывало, что и медведя зимой из берлоги подымал - такой уж был человек бесстрашный.

А в тот день выюжило - февраль давал о себе знать, - к вечеру и вовсе метель поднялась. Кружил-кружил Савельич по тайге, да и заблудился. Собаки воют, жмутся к ногам, растерянно заглядывают в его глаза.

- Да что это за напасть такая? Неужто все вместе тут и замёрзнем? С вами-то хоть что случилось? - говорил Савельич, обращаясь к своим преданным четвероногим друзьям.

Неизвестно сколько бы ещё плутал бывалый охотник по знакомой ему тайге, да вдруг набрёл на старенькую охотничью избушку. Обрадовался. А собаки почему-то ощетинились и заскулили, но всё же вошли вслед за хозяином внутрь.

-Надо же, - изумился Савельич, - тут недавно кто-то был, мясо сварено, в чувале ещё угли не погасли, да и сено на нарах свежее. Вот и хорошо - переждём здесь пургу, передохнём, а утречком и дорога домой найдётся.

Поел Савельич, собак накормил, в чувал хвороста подбросил, улёгся на нары поудобнее и, укрывшись полушубком, задремал.

Вдруг собаки начали лаять и рыть земляной пол. Савельич заворчал, а потом услышал, что кто-то подошёл к избушке. Вот лыжи околачивает, вот топает на крылечке, отряхивая снег с валонок, вот дверь открывает и заходит...

Как взглянул старый охотник, так почувствовал, что теряет рассудок и дар речи, - у порога стояла женщина красоты невиданной, её тело было бело, как снег, а глаза... Огромные и горящие, казалось, они звали и обещали так много... Ночная гостья околдовала Савельича - за свои прожитые шестьдесят лет он не видал ничего подобного. Она поманила его пальцем к себе. Савельич приподнялся и готов был уже пойти к ней, но в это время на него прыгнул Серко и сшиб с ног, остальные собаки дико залаяли и набросились на пришедшую женщину, которая, защищаясь от укусов разъярившихся животных, резким движением рук перебросила вперёд свои длинные и чёрные, как смоль, волосы и низко поклонилась Савельичу. Тот попытался встать, чтоб защитить её, но не смог - огромный Серко, запрыгнув на нары, упёрся лапами в его грудь.

Вдруг незваная гостья открыла дверь и побежала. Полкан и Пальма с диким лаем ринулись за ней.

Савельич чуть не задохнулся под тяжестью пса, тот отпустил его только тогда, когда не слышно стало, лая собак. Через открытую дверь нанесло снега, огонь в чувале давно погас, а у старика зуб на зуб не попадал - до того замёрз. Хорошо, что Серко рядом находился, согрел, а то неизвестно, что было бы.

Метель утихла. Примерно через час до Савельича донёлся едва различимый лай собак, он всё приближался и приближался. Через некоторое время Полкан и Пальма, обледеневшие, забежали в избушку. Измученные, они упали у ног хозяина. Он дал немного передохнуть им и, одевшись, отправился на поиски дороги. Но не об этом думал Савельич – запала ему в душу та необычная женщина. Подчинился он воле собак и, делая засечки на деревьях, вышел на верный путь. Удивляется:

– Надо же такому случиться! Версты три от деревни, а я заплутал. Видно, лешак попутал, а может, ведьмочка эта... Чего ей от меня надо-то было?

II

Никому Савельич не рассказывал о своём приключении, старался забыть о нём, но не мог. Непреодолимая сила влекла его в ту избушку. Два раза ходил он туда по своим приметам, да только дойдёт до середины пути – и такой страх на него нападает, что он, себя не помня, чуть ли не бегом в деревню возвращается.

В третий раз Савельичу удалось преодолеть себя. А было это уже в начале осени. В то утро решил он пойти без ружья и без собак, привязал своих верных псов крепко-накрепко и пошёл к избушке. Часа через полтора он был уже на месте.

Савельич решительно перешагнул через порог и вновь удивился: чистота, порядок, тепло и обед горячий... Словно ждали его здесь. С удовольствием отобедал он неизвестно кем приготовленного кушанья, потом и прилёг и впервые за последние полгода спокойно заснул.

Когда открыл глаза, было уже темно, в слюдяное окошечко ласково заглядывала луна, освещая небогатую утварь, находившуюся внутри избушки; поэтому Савельич не стал добывать огня. Он продолжал лежать, прислушиваясь к каждому шороху: не идёт ли опять Она.

Вдруг под нарами кто-то зашевелился, потом чихнул. Неприятное чувство, похожее на страх, охватило бывалого охотника, но всё же

он нашёл в себе силы и заглянул в низ. Там лежал мальчик. Увидев старика, он звонко засмеялся и Савельич, признав в парнишке Фильку – младшего сына деревенского старосты:

– Ты малец, чего тут прячешься?

В ответ раздался смех.

– Ты давно эту избушку знаешь?

Мальчишка заливисто захохотал и, схватив Савельича за руку, потянул, потом свалил с ног, подмял под себя и начал душить. Старик хоть и сильным был, но справиться с мальчонкой не мог. В какой-то момент глаза их встретились, и Савельич будто очнулся:

– Филька, ты же утонул прошлым летом. Я сам могилу тебе копал. А Филька только смеётся.

– Во те крест истинный, – поднял правую руку Савельич. И лишь коснулся лба, как вдруг почувствовал, что цепкие пальцы мальчишки разомкнулись на его шее. Лицо Фильки перекосилось, почернело, потом он упал и растекся черной лужей по всему полу избушки.

III

Савельич не помнил, как оказался дома. После мучительного долгого молчания он решился и рассказал всё своей старухе. Та подумала, что дед рехнулся и наутро пошла к Миронихе, давней своей подруге, «кое-что» знающей.

– То ли его сглазили, то ли тронулся на старости лет... Дай травки какой-нибудь или водички заговорной. Не в себе он сделался, про избушку всё говорит.

Тут она поведала обо всём услышанном Миронихе. У той глаза разгорелись, мелькнул в них жадный огонёк. Оглядевшись, знахарка торопливо заговорила вполголоса:

– Ить, дурень твой дедко – богатство-то брать надо, и не каждому оно вот так само идёт.

С тех пор пошли слухи о несметных богатствах, таившихся недалеко от речки со странным названием Кальча.

Сколько мужиков, да и молодых парней, ходили искать ту избушку, но бесполезно: кто ни с чем возвращался, кто и сгинул вовсе. Са-

вельич до самой смерти ни слова больше не сказал о том случае и дорогу никому не показывал: не любил старик дармового богатства. На охоту тоже перестал ходить, потому что какая-то сила приводила его к той избушке, как ни старался он держаться от неё подальше...

* * *

Миновали годы, время сравняло с землёй избушку и взрастило на том месте прекрасный кедр, а под деревом мягкий мох, будто пух постелило. Устал, путник? Приляг, отдохни! Может тебе и откроется тайна.

... Не так давно здесь побывала экспедиция геологов, они обнаружили тут месторождение нефти и газа...

Да, мы то знаем, как взять это земное богатство. Только вот умеючи ли берём?

Елена Бабкина, с. Красный Яр

Моя Демьянка

У каждого из нас есть на Земле место, которое мы с гордостью называем малая родина. Это место, где ты родился, произнес первое слово, услышал песню матери. Это место, которое вспоминаешь с замиранием сердца, где бы ты ни был и сколько бы не было тебе лет. Таким местом для меня является поселок Демьянка, что находится на севере Тюменской области. Здесь дорого все: бескрайние просторы тайги, шум железной дороги, новостройки, стройные ряды тополей и акаций. Но больше всего я люблю реку Демьянка, протекающую недалеко от поселка и давшую название ему.

На пески разлившись на стоянках,
Напролом, сквозь коридор тайги,
Дикая таежная Демьянка
К Иртышу несёт поток воды.

Демьянка... Сколько веков она кормит и бережет человека. Богатства её поистине неиссякаемы. В самой реке, её притоках и сорах (старых руслах), близлежащих озерах обитает большое количество разных видов рыб, в том числе и гордость северного края – осетр и стерлядь. Удачливому рыбаку может попасться огромная щука или «местный поселенец» - налим. По берегам растут красная и черная смородина, малина, черемуха. На покрытых пушистым мхом кочках, как алые капельки крови, краснеет клюква. Встречаются полянки, усыпанные брусникой, черникой, морошкой.

А дальше, на высоких берегах, поднимают свои величественные кроны могучие кедры – кормильцы всех таежных обитателей. Местами из-под земли просится главное богатство северного края - нефть.

Но не только за это я люблю Демьянку. Люблю её за тихие летние вечера с костром на берегу, за солнечные дни ранней осени, когда вся тайга вокруг одета в яркий разноцветный наряд, за тишину зимнего утра, когда ничто не нарушает зимнего сна природы и лишь изредка послышится крик сойки или стайка свиристелей смахнет снег с прибрежных кустов. Люблю её и весной, когда, проснувшись, с шумом несет она свои воды к седому Иртышу.

Нет места красивее и величественнее берегов Демьянки. Необычное чувство посещает меня около этой реки. Кажется, что я перенеслась на несколько веков назад, а Демьянка всё также спокойно и гордо течет мимо своих берегов...

Ты живи, шуми, моя Демьянка,
Под бескрайний гул большой тайги,
И добро, и грусть в своих землянках
Для людей хороших сохрани.

Анастасия Rogozina, п. Демьянка

Рёвино

Самое лучшее время года в детстве, конечно же, лето. Уроков нет, на улице тепло, красота! Нет, есть, конечно, досадные помехи вроде прополки картошки или встречи из стада коровы, но это так, мелочи.

А самое приятное летом – купанье. Что может быть лучше, чем в жаркий день, сорвав на бегу нехитрую одёжку, плюхнуться в блаженную прохладу?! И пусть вода у берега мутная, взбитая с песком, и пусть толкаются, визжат, хохочут, и пусть грязью мальчишки пуляются (дураки, что с них возьмёшь?!), пусть! Всё равно лучше купания летом нет ничего!

Возле самого нашего дома протекает небольшой ручеёк. Сейчас он, правда, заилился, заболотился, а во времена моего детства он был чист, быстр и мелок. Самое то для малышни! Его у нас так и называют – Лягушатник. Нынче в нём уже не купается никто, кроме гусей, а тогда! Только лёд сходил, на берегах уже мальчишки толклись – рыбачили. А потом, когда вода хоть чуть-чуть прогревалась, с утра до вечера там было от малышни не протолкнуться. Чтобы утонуть тут, нужно было очень постараться: больше, чем по колено, глубины не было. И ребятишек сюда отпускали безбоязненно. Хотя однажды Лягушатник решили «облагородить»: пригнали трактор с ковшем, углубили в одном месте русло и насыпали на дно щебёнки. Глубина там стала по пояс. Правда, ненадолго – на следующий же год дно снова стало по колено. А тогда главный инженер в эту щебёнку носом угодил. Пришёл на берег ополоснуться после работы (они нашими соседями были), а на Лягушатнике его сын Серёжка купается. Отец его и спрашивает: как, мол, глубина-то? Серёга и показывает: по шейку. А не видит отец, что сын на дне не стоит, а сидит, то есть глубины всего с полметра. Ну и нырнул главный инженер с берега вниз головой, как раз по щебёнке свеженасыпанной носом проехался, хорошо ещё, что шею не свернул. Неделию потом с расцарапанной физиономией ходил. Ну, правда, и Серёга на велике неделю не гонял – сидеть больно было...

Те, кто постарше, ходили уже на Рёвино. Это наша река, она чуть дальше Лягушатника, точнее, чуть пониже: Лягушатник в неё впа-

дает. Откуда такое название? Отец говорит, что от деревни назвали. Была деревня Лушниково, её наводнением смыло, пришлось жителям в другое место переселяться. Образовались две новые деревни – Ново-Лушниково и Рёвино (переселялись – плакали, ревели, потому и Рёвино). И реку так называли, что возле той деревни начало берёт.

На Рёвино купаться можно только с класса пятого, малыши там только под присмотром родителей. Рёвино – не Лягушатник, тут и омуты есть, и ключи на дне холодные. И рыба водится. Даже фокус такой можно сделать: прихлопнешь на голом плече паута (кусучая тварь такая, не знаю, как называется по-научному, на большую муху похожа), положишь его на воду, можно даже прямо рядом с собой и – оп! Не пройдёт и минуты, как паут бесследно исчезает, на его месте расходятся небольшие круги, а ты, если повезёт, различишь лёгкую тень рыбки...

Возле Рёвино прошло всё моё детство. Мне ещё тогда приходило в голову, что Рёвино – живая. Нет, ну правда. Вот осень. Вода становится как-то по-осеннему прозрачна, мужики именно тогда ездят на лодках острожить шук. На нос лодки устанавливают фонарь, направляя его в глубину, вода просвечивается далеко насквозь: водоросли осели на дно, ничего не мешает. Спящую шуку бьют острой – специальным орудием вроде вил с зазубренными зубцами. Этот способ считается браконьерским, но мне он кажется более честным, чем, например, сети... Рёвино мёрзнет в своих голых берегах, по ней то и дело пробегает «мурашки» ряби. Вот всё равно как под холодное одеяло залезаешь и долго не можешь согреться, дрожишь долго...

Потом наконец наступает зима. Рёвино укрывается толстым льдом и почти сразу же пухлым пуховым снежным одеялом. Всё, река спит. Спать будет долго, до марта.

В конце марта на реке начинают появляться проталины, словно Рёвино приоткрывает в полудрёме глаза: просыпаться? Ещё поспать? В конце концов решает проснуться и начинает «потягиваться». Ух, она иногда и «потягивается»! Один год как-то до нашего огорода весенним половодьем дотянулась! Но такая буйная она редко бывает, обычно «потягивается» метра на три-четыре. К началу лета она входит в своё русло, берега её буйно зеленеют, она охорашивается, как

хозяйка перед приёмом гостей. И гости не заставляют себя ждать. «Официально» нас отпускают купаться с 7 июля, с Ивана Купала. Но кто же выдержит целый месяц без воды?! И мы мчимся на речку, едва солнышко начнёт пригревать.

Особое наслаждение – ночные купания. Это когда корова из стада встречена, подоена, молоко мама прогнала через сепаратор, сепаратор вымыт, словом, вся работа на день переделана – и я бегу к подружке Татьяне через дорогу. Полотенце через плечо, приплясываю у неё за воротами от нетерпения. Она выбегает тоже с полотенцем и от неё так же пахнет молоком: тоже мыла сепаратор. «Ну, что, побежали?!» Срываемся и бежим. Чего, спрашивается, бежим?! Куда речка денется? Но нет, нам не терпится. На берегу, как правило, уже никого нет. Вода чистая, не взбаламученная. Над водой легчайший, едва заметный туман. И я понимаю, что напоминает мне река, точнее, кого: женщину после бани. Вот точь-в-точь: распаренная, умиротворённая, вышла и присела на лавочку отдышаться. И Рёвино весь день всех желающих купала, освежала, мыла, а теперь отдыхает. На минутку мне становится неловко: она только отдохнуть собралась, а тут мы... Таньке чужды все сомнения, она тянет меня за руку: «Ну, пошли, меня только на часик отпустили!» Мы входим в реку, и я понимаю, что она на нас ни чуточки не сердится. Река обнимает нас тёплой-тёплой водой, как дорогих гостей встречает. Мы входим по грудь и плывём – медленно, молча. Так же молча одновременно поворачиваем назад. Нашей молчаливости хватает ненадолго: доплыв до твёрдого дна, начинаем возню. Брызгаемся, верещим, ныряем по очереди. Это игра такая: одна ныряет, то есть приседает с головой, вторая следит – как только первая всплывает, вторая ныряет... И так, пока не надоест. А нам не надоест долго... Или ныряем одновременно на «долготу погружения», кто кого пересидит под водой. Игра опасная, но потому-то такая увлекательная! Уже и губы у Тани синие (у меня наверняка тоже!), уже и нос полон воды, но вылезти нет сил. «Ну что, – предлагаю, – дырдём?!» Танька хочет: «Дырдем!» И мы «дыряем». Вынырнув, слышим женский крик со стороны деревни: это, похоже, нас ищут. Или моя мама, или Татьяна. Всё, бежать пора, а то попадёт. Река ласково плещет нам вслед: «Бегите-бегите, завтра ещё придёте!» Конечно, придём...

Много времени утекло с тех пор. Повзрослела я, изменилась до неузнаваемости Рёвино. Заилилось дно, заросли камышом берега. Берега стали топкими, вода – неприятно пахнущей... Не знаю, что тому виной. Может, люди так довели реку, может, ещё что-то.

А мне кажется, что она просто постарела, вот и всё. Для меня она всё равно живая. И я так благодарна ей, что у меня в детстве БЫЛА РЕКА...

Светлана Гребенщикова, п. Демьянка.

Зимний лес

Бывали вы когда-нибудь в зимнем лесу? Я – да. Однажды. Очень-очень давно. Было это так... Нет, наверное, необходимо всё-таки начать с предыстории.

Я родилась и выросла в деревне. Лес от нас недалеко, и мы ходили туда как...ну, я не знаю, как в огород, что ли. Или в магазин за продуктами. Весной ходили за берёзовкой, дрова заготавливали тогда же; летом – за грибами и ягодами, осенью – за ягодами и грибами. Только зимой не ходили. Ну, а что там делать-то зимой? Грибов нет, ягод нет, пресную боярку и ту птицы давно ободрали. Так я думала класса до седьмого, пока не решила заниматься в конноспортивной секции.

Об этой секции нужно сказать особо. В нашем колхозе была замечательная молочная ферма в несколько тысяч голов. Директор совхоза решил при ферме завести ещё и конно-племенное хозяйство: купил несколько списанных жеребцов и кобыл, ахалтекинцев, и нанял тренера – лошадям форму терять нельзя. Ну а много ли один человек наездит? Вот и решили создать секцию для школьников: и ребятишкам полезно, и лошади не застоятся. Меня туда привело сначала любопытство. Потом я услышала (конечно, случайно!), как тренер Сан Саныч сказал про меня: «Ну, эта больше не придёт, дайте ей Вахту!» Вахтой звали самую смирную кобылку.

Ну, а меня, что называется, «заело»: как это не приду! А вот возьму, да и приду! И приходила недели три из чистого упрямства, чистила Вахту, умирая от страха: она хоть и смиренная, а размерами раз в пять меня больше... Но однажды, когда я отчаянно скребнула свою лошадку специальной скребницей, Вахта повернулась ко мне и ...поцеловала в щёку. Своими бархатистыми губами прикоснулась и чуть-чуть фыркнула: мол, да не бойся ты, не съем! И... всё. Я возлюбила её всем сердцем. Я потом неплохо научилась ездить верхом, но Вахта не изменяла никогда, мы с ней «скорешились», как сказал тренер. Сан Саныча я тоже обожала, но тут я была не одинока – его обожали все, кто занимался в секции, даже самые отчаянные школьные хулиганы. Лошадки у нас всегда были вычищены до блеска, хлеба мы им скармливали немерено... Это было лучшее время, наверное. Я ушла из секции через год, когда Вахту из-за старости отправили в колбасный цех. Вахты не стало, а на другой лошади заниматься... Это мне казалось предательством.

Но я отвлеклась. Начала про зимний лес, а свернула на лошадей. Так вот, Сан Саныч решил как-то раз вместо обычной тренировки устроить прогулку в лес. Разумеется, никто не отказался. И вот мы кавалькадой тронулись по снежку. Мы с Вахтой как-то сразу отстали: она давно уже не ходила галопом, в лучшем случае рысью, а я ещё не так уверенно сидела в седле, чтобы подгонять её. Наши уже давно ускакали вперёд, а мы трюхаем, не торопясь – а куда спешить? «Его лошадка, снег почуя, плетётся рысью как-нибудь» – ну точно про Вахту! Не бежит, а лишь обозначает, что не шагом идёт... Ну, можно и по сторонам посмотреть, что это за зимний лес такой. Наша учительница литературы всё время восторженно толковала о красоте зимней природы. Что тут может быть красивого? Бело кругом. Тихо. Очень тихо... Только под копытами Вахты снег немножко хрупает. И лес даже не шумит: ветра нет. Даже как-то не по себе от тишины такой. И опять стихи вспомнились: «Заколдован невидимкой, дремлет лес под сказку сна. Словно белою косынкой подвязалась сосна». Да вот же она, сосна! И правда, как косынкой снеговой подвязалась. Нет, пожалуй, не косынкой: снег на ней лежит как песцовый воротник на мамином пальто.

И вдруг я УВИДЕЛА. Нет, я и до того не слепая была, но тут как-то разом увидела всех обитателей леса, знакомых ещё с лета. Вон большая старая берёза, узловатая, раскидистая, вся укрыта снегом, как бабушка под шалью. А вот и внучки – голоногие берёзки, выскочили на опушку и будто завязли босыми ножками в сугробе. Ручки-прутики тоненькие, снег не держится, и ветра нет, а они словно подрагивают – озябли... Бр-р-р, даже самой холодно стало. И бабушка-берёза поскрипывает укоризненно: «Куда вы, оглашенные?! Простынете!» Совсем как моя бабуля.

А тут где-то должны быть ёлки. Их несколько лет назад высадили, сами-то они у нас не растут. Мы там нынче рыжиков собрали ведра три. А, да вот же они! Вперемежку с сосенками растут. Кого-то они мне напоминают... Точно! Городские девчонки на деревенскую дискотеку пришли! Пальчики в кружевных перчаточках растопырили: ах, не трогайте нас! Подумаешь, воображалы. Не то что наши сосёнки: все как одна в пуховых шапочках и варежках, уж эти-то не замёрзнут...

Не люблю ельники. У нас ельников нет, только берёзы, осины да сосны. Березняк – лес светлый, весёлый. Сосновый бор тоже насквозь солнцем просвечивается. А вот в прошлом году гостили летом у бабушки в Поволжье, в местный лес ходили. А у них в основном дубравы да ельники. Вот там – настоящий тёмный лес. Заходишь и словно в сумрак окунаешься... Нет, у нас лес лучше.

Так, а где-то здесь должны быть кусты боярки (так у нас боярышник называют). Интересно, осталось что-нибудь там? Да, что-то краснеет. Только что-то очень крупное для ягод, размером с яблоко, пожалуй. Вахта фыркает и словно головой покачивает: «Яблоки на боярке? Ну и фантазия у тебя...». Нет, но я же вижу! Подъезжаем поближе и...я от неожиданности натягиваю поводья, Вахта резко останавливается: на боярке сидит снегирь! Да какой яркий, не удивительно, что я его за яблоко приняла! Он деловито ковыряет остатки ягод на кисточке и вдруг замечает меня. Голос у него странный, мне даже не передать, что это за звуки. Но по смыслу, я уверена, это было что-то вроде: «Безобразие! Поесть спокойно не дадут!» Снегирь снимается и улетает, а я, опомнившись, слегка трогаю каблукми лошадиные бока и направляю

Вахту дальше. М-да, неудобно получилось. Но меня можно понять: снегирь у нас – явление редкое. Воробьи, синицы – этого сколько угодно. Вороны, сороки, галки. Скворцы весной прилетают, ласточки. Скворцов, кстати, отец недолюбливает. Особенно когда по весне скворцы начинают воробьёв из скворечников выгонять. Батя тогда возмущается: «Воробей-мужичок всю зиму здесь прожил, голод и холод пережил, а тут этот дачник явился! Да ещё и жилплощадь ему освобождай, ишь ты!» Впрочем, отец делает столько скворечников, что хватает всем – и воробьям, и скворцам. А ворчит так, скорей по привычке.

Ну, в лесу сейчас вряд ли кого встретишь. Снегирь вот улетел. Разве что зайцы, да их наверняка наша компания распугала по всему лесу: это мы с Вахтой молчком плетёмся, а остальные-то молчать не умеют. На утоптанную дорогу рядом со мной падает сосновая шишка, я вздрагиваю, поднимаю голову и не могу понять: это берёза! Откуда шишка-то?! Замечаю движение, присматриваюсь... А, понятно! Это я погорячилась, что, мол, никого не встретишь. А дятел-то? Вон он, красноголовый труженик. Нашёл удобную трещину в берёзе, чтобы шишку заклинивать. Это он сейчас со свежей шишкой прилетел, а старую выкинул. То-то его и не слышно было. Сейчас забарабанит... О, так и есть!

Барабанная дробь дятла словно дала команду «отомри!»: пролетел ветерок, сбрасывая с веток снег, зашумели-зашептались деревья, звонко заговорили сосёнки-подростки... Стоп, мне что – мерещится?! Я и в самом деле слышу, как они говорят! Ф-ф-ух, это не сосны, это наша секция возвращается с прогулки, их издали слышно... Ну вот, дятла спугнули. И этому поест не дали. Хохочут, перекрикиваются: «А мы тебя потеряли! Ты чего отстаёшь?! Эй, Снегурочка, не спи – замёрзнешь!»

Возвращаемся уже все вместе: их лошади устали, наши скорости сравнялись. Впечатлений на год вперёд набрались: оказывается, моя мысль насчёт зайцев была верна – они одного спугнули и чуть не догнали, Сан Саныч вернул, не разрешил дальше ехать. Как я сочувствую зайцу! И волка видели. Тренер хмыкает: ну-ну, собаку от волка отличить не можете. Сроду у волков хвоста каралькой не бывает. Все хором начинают убеждать Сан Саныча, что это просто у волка хвост сломанный, или предок у него был собакой, а на самом деле это волк,

самый настоящий волк! Тренер машет рукой: да шут с вами, пускай хоть крокодил, жалко мне, что ли?

Мы с Вахтой снова плетёмся позади всех. Нет, мне не жаль, что я не видела зайца и «волка». Я видела больше, чем вся группа. Только я им не расскажу, смеяться будут. Может быть, потом. Когда снова в лес поедем.

Сразу скажу, в лес зимой я больше не ездила. Сан Саныч больше в лес прогулок не устраивал, а идти одной как-то боязно было. Потом, когда выросла, было уже не страшно, а просто некогда. А после и просто лень. Что поделывать, всегда находятся дела поважнее...

Но зато сейчас я знаю, зачем ходят в лес зимой. За красотой.

Светлана Гребенщикова, п. Демьянка

Письмо о родном крае

Меня зовут Березина Юлия, я ученица 3 класса и хочу рассказать о своем родном селе.

Родилась я в небольшом селе Осинник Уватского района. С детства люблю природу, которая окружает меня: могучий Иртыш, Стерхова гора и речушка Стершиха.

Особенно хорошо весной, когда все тает, и земля просыпается после долгого зимнего сна. В такой день выходишь из дома и вдыхаешь воздух, свежий, чистый, вся усталость пропадает, плохое настроение исчезает. Все дышит теплом и ожиданием лета.

В моем родном селе любое время года прекрасно. Дом мой находится недалеко от реки. С приходом весны видно, как по Иртышу плывут льдины, как рыбаки спускают лодки на воду. А летом по реке ходят теплоходы, метеоры и большие суда везут на Север груз. У нас в селе была своя пекарня, сейчас разрушенное здание и там растёт огромный очень старый тополь. Сколько ему лет? Никто не знает. В ширину его не могут обхватить даже 3 человека. Этому дереву пришлось многое пережить в своей жизни. Наводнение, сильные ветра, ломавшие его огромные ветви, и засушливое лето. Но, несмотря на все это, наш одинокий

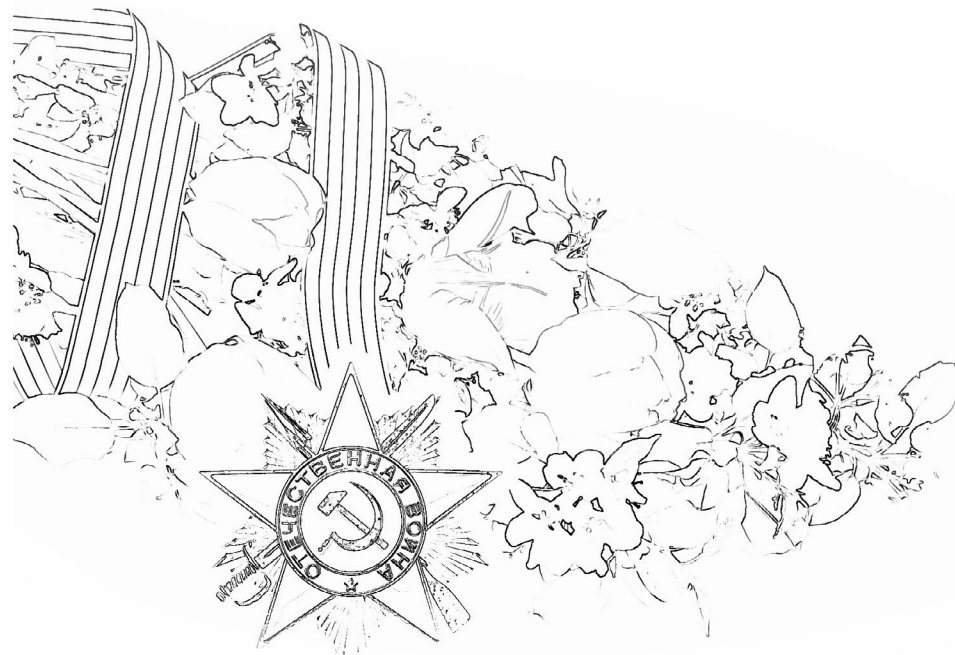
тополь продолжает расти и даже давать потомство. Недавно рядом с ним появились молодые тополя. В селе возле школы расположен школьный сад, там растут березы, сирень, акации, сосны, множество цветов. Каждую весну ученики нашей школы проводят субботники. А любимым местом жителей стал парк, расположенный на территории сельского клуба. Там проводят различные праздники, а можно просто прийти и отдохнуть. Думаю, что этот парк – любимое место каждого жителя села.

Я люблю всё это всем сердцем. Моё село – это моё богатство, мой дом. Я его никому не отдам.

Вот село моё родное,
Вот и мой любимый дом,
И красивая берёза
Подрастает под окном.
Тут родимые просторы –
Поле, лес, река Иртыш,
И любименький мой тополь
Обронил красивый лист.
Красота природы нашей
Нет её милей и краше.

Юлия Березина, с. Осинник

*Полнит сердце, не
забудет никогда*

Детство, опаленное войной

Год 44-ый. Враги отступая
Село всё спалили дотла.
За оврагом, у самого края,
Осталась избёнка одна.
На лавке дремлет кошка,
Ветер свистит у окна.
В этой убогой холодной избушке
Снится мальчишке война.
Снова танки грохочут по полю,
Взрывы кругом и огонь.
На траву ржа от боли
Падает раненый конь.
Всадник его убитый
За обгоревшим сараем лежит,
Пулями сердце пробило,
Тело покинула жизнь.
Мальчишка от страха забился
В узкую тёмную щель,
Но автомат фашиста
Взял его на прицел.
Вдруг рядом упала граната,
Отбросило тело врага.
Увидел мальчишка солдата,
Запомнив его навсегда.
Стоял высокий, весёлый
И руку ему подавал.
«Расти, паренёк, будь здоровый», –
Ему на прощанье сказал.
Рукой помахал и скрылся
В чёрном густом дыму,
Он знал, что глазёнки мальчишки
В спину смотрели ему.

Проснулся мальчишка в слезах,
Всё повторял, как в бреду:
«Будь живой, дорогой мой солдат,
Будь живой и тебя я найду».

Валентина Баглаева, с. Красный Яр

В День Победы

*посвящается вдовам участников
Великой Отечественной войны*

Смотрю на твой портрет,
Какой ты молодой,
Военной формы нет,
Ты был еще со мной.

В твоих глазах любовь,
Я помню губ тепло.
Всё вспоминаю вновь,
Хоть много лет прошло.

Нас развела война
В суровом том году,
И я с тех пор одна –
Былинка на ветру.

Ты видишь, я стара
И немощна совсем,
Уже к тебе пора,
А я всё здесь, зачем?

Я так устала жить
И ждать всю жизнь тебя,
Но, скоро может быть,
Дождешься ты меня.

И слезы много раз
Лились на твой портрет
Из этих вдовьих глаз,
Но не воскреснешь, нет.

Прошло так много лет
И снова праздник твой,
Целую твой портрет,
С Победой, дорогой!

Раиса Порвина, п. Першино

Связист

Мой прадед воевал
На фронте был связистом,
Катушку провода таскал
И связь налаживал он быстро.
Он не боялся свиста пуль
И непогода не пугала.
Он провод бережно тянул,
Чтоб связь до штаба поступала.
Неслись по этим проводам
И просьбы, и приказы:
«Окружить фашистов до утра,
А утром уничтожить гадов».
Он ранен был в одном бою
И с раненой рукой
Задачу выполнил свою,

Наладил связь с передовой.
И вновь с катушкой за плечами
Где полз, а где бежал,
И днём и тёмными ночами
Со штабом связь держал.
Он воевал четыре года
И дважды ранен был
И за Победу над фашизмом
Медаль мой прадед получил.

Валентина Баглаева, с. Красный Яр

Безвременно ушедшим посвящается

И снова праздник! День Победы!
Страна встречает в который раз,
Но жаль! Редуют солдат отряды....
Лишь обелиски глядят на нас!

На смену дедам приходят внуки....
Бойцы Афганской, бойцы Чечни.
Воздевши к небу с мольбою руки,
Мать сына в «цинке» ждет с войны.

Кто ей ответит за груз тот «200»?
Кто ей заменит родную кровь?
И кто повинен в смертельном действе?
За что парнишке...? Прицельно в бровь...

Давайте вспомним всех погибших!
Во славу мира на Земле!
И память о безвременно ушедших,
Запечатлеем в мраморном стекле!

Александр Куклин, п. Першино

Из рассказа фронтовой сестры

*посвящается Захаровой Екатерине Васильевне,
старшему лейтенанту медицинской службы,
участнице Великой Отечественной войны,
награжденной Орденом Красной звезды*

Кто сказал, что на войне не страшно?
Сколько лет я не могу забыть
Молодых парней, таких прекрасных,
Волею судьбы им суждено не жить.

Тот сказал, что на войне не страшно,
Кто смотрел её в кино. Читая
Даже самый смелый и отважный
Думаю, такое б не сказал.

В памяти моей могилы мертвых,
Стоны изуродованных тел,
Искалеченных и обожженных,
Мало кто в войне той уцелел.

Помню обгорелого танкиста,
Он в бреду всё руку мою брал,
Умирая, проклинал фашистов,
Аннушкой меня всё называл.

А ещё запомнился парнишка,
Что остался и без рук, без ног,
Бинтовала: «Потерпи, братишка»,
Только это он ещё лишь мог.

Он скрипел зубами, звал кого-то,
Соскочить хотел и убежать,
Говорил: «Летать мечтал когда-то»,

Только суждено ему лежать.
Сколько раз я смахивала слёзы,
Сколько раз сжималось сердце там,
И сейчас через такие годы
Сны о прошлом сняться по ночам.

Никогда войну я не забуду,
Да такое и нельзя забыть
И всегда, пока живая буду,
Будет снится мне: «Сестричка, пить».

И опять мечусь, снаряды рвутся,
Слышу стоны раненых бойцов.
Хорошо, что Бог велел проснуться
От таких военных страшных снов.

Разве обо всём этом расскажешь?
Надо всё почувствовать сполна.
Кто там был, терял друзей, тот скажет:
«Нет - войне, будь проклята война!»

Раиса Порвина, п. Першино

Наша победа

Мир полыхал от края и до края,
В горящем смерче плавилась земля,
Враг шёл, всё на пути сметая,
И обагрилась кровью Родина моя.
С жестокостью звериной и злостью
Обрушилась фашистская орда,
Но враг не знал, что свои кости
Он здесь оставит навсегда.
И как один на бой с врагами

Поднялись люди всей страны:
Кавказец, русский, украинец и татарин,
Чтоб грудью встать против коричневой чумы.
Четыре года эта битва длилась,
Не счесть боёв с утра и до темна,
Земля солдатским потом, кровью мылась
И миллионы жизней в своё лоно приняла.
От русской Волги до немецкой Эльбы
С боями воин наш прошёл,
Ломал хребет фашисту под московским небом,
В Берлин добить его пришёл.
Война закончилась желанною Победой,
Мир полон радости, на лицах слезы, смех,
И гордо реет стяг страны над всей планетой
Моей страны, что подарила жизнь для всех.

Владимир Гусейнов, п. Туртас

Прощание

На привокзальной площади молоденький солдат
Стоял среди толпы людей, шумящих громко.
На нём накинутый шинели серой скат,
В зелёной гимнастёрке и в руках пилотка.
С надеждой он смотрел по сторонам,
Во взгляде беспокойном ожиданье,
Искал среди толпы то тут, то там
Ту, что должна явиться на свиданье.
Вдруг для него как будто площадь замерла,
Застыло время на часах вокзала -
Прекрасный миг - лицо, глаза,
К нему в объятия девушка упала
Захлёбываясь плачем, что-то бормоча,

Она уткнулась в грудь солдата.
А он счастливый и растерянный стоял,
Невольно растворившись в тех объятьях.
Сердитый паровоз свистел, сопел.
Был весь надутый, чёрствый, бессердечный.
Он, словно, побыстрее разлучить ребят хотел,
Чтоб увезти солдата в ад кромешный.
Война! Она уже недалеко пылала,
Готова сотни тысяч жизней человеческих забрать.
И тут команда: «По ва-го-нам!», - прозвучала.
Поспешный поцелуй и слёзный крик: «Не забывай писать!».
Уехал эшелон навстречу битвам и сраженьям.

Владимир Гусейнов, п. Туртас

Мне рассказала мама

О нём мне рассказала мама,
Хотя сама еще девчонкою была,
Но помнит, как сейчас...чернеет яма,
Посмертный залп нарушил тишину села...
И белый снег, усыпанный цветами,
И на коленях мать: «Сыночек мой!!!»
Не улыбнется больше он, не взглянет,
На ту, что так ждала его домой...
Мне рассказала мама, что когда-то,
Была война между Россией и Чечней...
Тот бой за Грозный в девяносто пятом...
Его последний, самый страшный бой...
«А знаешь, дочь, - вздохнув сказала мама,
Ведь он мог жить, но ждал другой удел...
Война вообще не знает слова «жалость»,

А он так многого хотел...
Хотел любить, смеяться, плакать...верил,
Что жизнь прекрасна, умел искренне дружить,
Не знал, что жизни срок уже отмерян,
Хотел домой вернуться...хотел просто жить...
Но жизнь свою отдал без промедленья,
Что мог, он сделал, чтобы закончилась война...
Он для меня - герой, и нет сомненья -
В сердцах земли родной он будет жить всегда...»

Ксения Соколова, с. Демьянское

Чтоб больше не было войны

Была Великая война
С врагом сражалась вся страна!
Едины были фронт и тыл
Героем каждый воин был.

Кто шел отважно в смертный бой,
И бил врага, пока живой.
За дом родной и за семью,
За землю русскую свою.

Кто принял свой последний бой
Спит вечным сном в земле сырой.
Чтоб мы не видели войны,
Об этом помнить мы должны!

Кто создавал надёжный тыл,
В цехах работал, хлеб растил.
На танки деньги собирал,
На фронт посылки отправлял,

Кто похоронки получал,
Недоедал, недосыпал....

Кто верой и надеждой жил,
Трудился из последних сил
Чтоб мы не ведали войны
Об этом помнить мы должны!

И никогда не забывать
И детям, внукам рассказать.
О слезах жен и матерей,
Страданиях маленьких детей.

О ратном подвиге отцов,
Отдавших жизнь за отчий кров.

Их миллионы полегли
Что мы спокойно жить могли
Об этом помнить все должны
Чтоб больше не было войны!

Татьяна Костромина, п. Демьянка

Останься живой

Провожала на фронт - обнимала,
Припадая к плечу головой,
Целовала и всё повторяла,
Как молитву: «Останься живой ...»
У станка по две смены стояла,
Пусть не досыта ела сама,
Но посылки на фронт собирала
И жила от письма до письма...
Жадно строчки скупые читала,

Омывая по-бабьи слезой,
Вытирая слезу, причитала:
«Слава Богу, живой, мой родной!»
Но непрошенной гостьей ворвалась
Похоронка.... Погиб, как герой.
Не заплакала, лишь закричала:
«Не поверю! Не правда! Живой!
Бьёт нещадно проклятых фашистов,
И вернётся с Победой домой!»
Всё ждала, на дорогу глядела,
Не идет ли солдат дорогой...
И осенней порой запоздалой,
Он вернулся! Без ног. И седой.
Обнимала его, целовала
И счастливо шептала: «Живой!»

Татьяна Костромина, п. Демьянка

Я горжусь тобой, папа!

Шёл год 38-ой, он на службу ушёл,
Это папочка мой, самый милый, родной.
Три годка отслужил, уж пора бы домой
Но настал 41-й. Год войны, год шальной.
Дома не был давно, воевал до конца...
Его долгих семь лет мама с сыном ждала
Много ран получил, все же выжить он смог!
И вернулся живым, его миловал бог.
Папа, милый, прости, что спросить не успела
Как служил, воевал? Эти долгих семь лет.
Ты так рано «ушёл», в первый класс я ходила,
Ведь у вас я последней родилась на свет.
Папа, помню, как ты все газеты читал,

а меня на ногу в это время качал.
За обедом всегда меня рыбкой кормил,
Летом, будто от зайчика, земляничку носил.
Я со страхом в душе, вспоминаю всегда,
Как меня ты позвал, я к тебе подошла,
На секунду всего приоткрыл ты глаза,
Посмотрел на меня и.. заснул навсегда...
Папа! Горько то как, что так мало ты жил,
Ты же, папа, герой! Ты же жизнь, заслужил!
Я, с уходом твоим, никогда не смирюсь,
Но, ты знай, мой родной, что тобой – я горжусь!

Любовь Букаринова, д. Солянка

Ветеранам войны посвящается

Шёл грозный сорок первый год,
Рвались снаряды и горело небо,
Но не склонился наш народ
И на колени пред врагом
Поставлен не был.

За пядь земли, за счастье и покой
В бой шли отцы, сыны и деды,
И пусть не каждый дожил до Победы,
Но каждый павший был герой!

Вам, ветераны той войны
Прошедшие дорогой ада,
Вам низкий наш поклон,
И все цветы земли
Пусть будут высшей, человеческой наградой!

Тамара Игнатьева, п. Демьянка

Труженикам тыла

В войну коротким было детство
Учится долго не пришлось
В войну молоденьким подросткам
В тылу трудиться довелось

Все тягости в лихие годы
На плечи женские легли.
Все мужики, увы, на фронте
В деревни дети, старики...

И шли в деревню похоронки,
Но время нет, чтоб горевать,
Ведь шла война кругом работа
И фронту надо помогать.

Весной рыбачили в артели
Ловили рыбу на реке
И на гребях сдавать возили
Улов в большом неводнике.

Косить и сеять приходилось
И хлеб сушили на току
Зимой на лесозаготовках
Работали в мороз в лесу

О ночь, колхозные бараки
А утром рано им вставать
За ночь промокшая одежда
Не успевала высыхать

Вы повидали в жизни много
С зари трудились до зари
Ту долгожданную победу
Вы приближали, как могли.

Почтим сегодня память павших
Спасибо тем, кто воевал
Спасибо труженикам тыла,
Кто счастье наше защищал!

Антонина Белкина, с. Красный Яр

Память друзей

Мы с тобой в «войнушку» в детстве наигрались,
В восемнадцать нас призвал военкомат.
Из учебки в раз в Афгане оказались
Родины Советской выполнять приказ.

Сходу окунулись в долгий вихрь смертельный:
Вот в руках, дрожащих бьется автомат,
Закричал от боли друг мой Вася Мельник...
До сих пор мне слышен тот предсмертный мат.

Капитан наш ротный поседел в бою,
Разве его можно в этом упрекнуть,
Ради жизни нашей не жалел свою,
Нас живых побольше чтоб домой вернуть.

Отгремели залпы тех далеких дней,
Но забыть не сможем мы о той войне.
Затянулись раны, у каждого семья.
А кого нет рядом – помянем, друзья!

Владимир Гусейнов, п. Туртас

Новому набору

По России катятся вагоны,
Новобранцы будят тишину,
Генералам звёзды на погоны,
Лейтенанты раздают патроны,
Рядовые ходят на войну.

За Кавказом затаились бесы
Из-за гор в Россию тянется террор,
И комбаты, матерясь от стрессов,
Поднимают роты в неизвестность,
Залегают снайперы в дозор.

Через кровь. Проклятия и стоны
Честь России и мундира отстоим.
Генералам звёзды на погоны,
Офицерам плачущие жёны,
Материнская скорбь рядовым.

Александр Минин, с. Уват

Распятие

Окружили гордого «КОНЯ»,
Гусеницы с ног его разули,
Но пугает грозная броня:
От нее отскакивают пули.

Из подвала вышел боевик,
Встал напротив раненого танка.
Воевать с пеленок он привык,
Для него война-родная мамка.

-Слушай, командир, - чечен изрек,
-Ты хороший воин, не в подлянку,
Через три минуты истекает срок:
Или плен, или сжигаем в танке.

Ты зачем в чужой ворвался кров?
Не найдешь в чужих пределах чести.
Призывает голос праотцов,
Голос Шамиля к кровавой мести.

Вас за нефть продали генералы,
Отвернулась мачехой страна,
Мертвые повсюду федералы,
Армия Грачеву не нужна.

Засаекаю время, видишь «роллекс»,
Что блестит подвешенный на ствол,
Если покидаешь танк по воле,
То сегодня «роллекс» будет твой.

Тишина минутная повисла,
Словно на раздумье гордый «КОНЬ» ...
Вдруг по этажам шарахнул выстрел,
И в упор, повел танкист огонь.

Пять снарядов, пять еще мгновений
Продолжалась жизнь у танка и бойца,
Пять минут, он был присяге верен,
Пять минут, до самого конца.

И когда без ног враги его распяли,
Сквозь завесу крови поднял взгляд-
Шли в атаку, видел, федералы,
Впереди седеющий комбат.

Боевик улыбке ужаснулся,
Что застыла в лике мертвеца.
- Вот, дурак - и тут же отвернулся
От мощей распятого бойца.

А пехота, матушка-пехота,
Наши пацаны-мотострелки,
Довершали ратную работу,
К автоматам пристегнув штыки.

Сверху мертвецу виднее зрячих,
Ужас и безумие людей.
Грозный, словно факелом охвачен,
Рушился в обломках кирпичей.

Александр Минин, с. Уват

Военных лет учителя

Война.... Как страшно и больно слышать это слово! Как обидно осознавать, что уничтожаются города, села, деревни, миллионами гибнут люди. Горит под ногами земля от рвущихся снарядов и бомб. И эта скорбная дата: 22 июня 1941 года.... С этого дня не осталось ни одной семьи, кого бы обошла стороной эта беда. Встать на защиту Родины, родного дома, любимой семьи стремился каждый, кто мог держать оружие.

Великая Отечественная война принесла неисчислимые страдания и потери. Она стала испытанием мужества, стойкости, патриотизма советских людей. О ней написаны произведения на разных языках. Еще больше о ней напишут будущие поколения. Но вместе с тем она останется вечно не дописанной книгой, вечно не рассказанной повестью.

Восьмое десятилетие мы живем под мирным небом. За мир в нашей стране, за счастье трудиться, учиться мы низко кланяем-

ся ветеранам войны, в числе которых наши дорогие учителя, прошедшие суровые огненные дороги и пережившие трудные военные годы в тылу. А потом посвятившие свою оставшуюся жизнь нашей Демьянской школе, это люди, у которых самая мирная на свете профессия, несущая свет, разум и добро.

Для меня учителя - фронтовики, о которых я хочу рассказать - герои! Разве не подвиг жизнь простого русского человека, который прошел через смертоносную войну? А потом изо дня в день трудился. Трудился добросовестно, на износ, не за награду, не за большие деньги, а просто в силу своей преданности и любви к своей стране, к своей профессии. Таким людям не ставят бюсты на родине, не открывают мемориальные доски на домах, где они жили. Но именно на них держится и будет держаться Россия.

Вот эти имена: Батенев Алексей Давыдович, Молоков Николай Арефьевич, Бизин Виктор Альфредович, Мотошев Федор Семенович.

Батенев Алексей Давыдович был взят на фронт восемнадцатилетним парнем после призыва на Дальний Восток для прохождения действительной службы в рядах Красной Армии в 1939 году. Едва научившись держать винтовку в руках, он с солдатским стажем в 2 года вынужден был воевать. Во время войны и формировался характер этого мужественного человека: патриотизм, целеустремленность и любовь к мирному труду.

В 1945 году он был удостоен высокой награды: медали «За победу над Японией». Так был оценен вклад Алексея Давыдовича в победу над фашизмом. А чего стоил ему этот путь до долгожданной победы - известно лишь ему одному. После окончания войны солдат вернулся в родное село Демьянское, работал в школе учителем, а с 1950 по 1956 год возглавлял учительский коллектив в качестве директора. Внезапная смерть оборвала жизнь этого скромного, справедливого, отзывчивого человека: солдата и труженика.

Молоков Николай Арефьевич - преподаватель математики и физики. Трудолюбивый внимательный человек прошел дорогами войны с марта 1942 по 1944 год. Демобилизован по ранению. Но эти два военных года оставили в его душе глубокие душевные раны.

Как можно убивать ни в чем не повинных людей: детей, женщин, стариков? Как можно оставлять детей сиротами? Объяснение этому он находил в одном: фашизм. Только он способен растоптать все, что находится на его пути. Вернувшись из госпиталя, Николай Арефьевич своим безупречным трудом в качестве учителя и директора школы внес большой вклад в развитие народного образования и за свой труд был награжден орденом трудового Красного Знамени.

Бизин Виктор Альфредович призван в ряды Красной Армии в декабре 1941-го года. Не успев окончить курсы Тюменского пехотного училища (из-за сложной обстановки на фронте), он в составе курсантов этого училища направляется на передовую. Судьба забросила подо Ржев - известное нам место, где проходили кровопролитные бои и отсюда сложно было вернуться живым.

В качестве старшины-телефониста в составе 618 стрелкового полка 215 стрелковой дивизии девятнадцатилетним юношей он начинает свой боевой путь. В 1943-ем уволен в запас после тяжелого ранения. Воевал недолго, но школу, называемую «Ржевская мясорубка» прошел сполна. Не случайно был награжден медалью «За отвагу» и орденом Отечественной войны 1 степени. По окончании Тюменского педагогического училища после войны Виктор Альфредович работал учителем физической культуры в нашей Демьянской школе. И мы, ученики, очень любили и ценили этого педагога за его скромность, интеллигентность, педагогический такт и внимание к нам.

Мотошев Федор Семенович. Его родное село - село Демьянское. Окончил Тобольское педагогическое училище еще до войны и преподавал в родной школе физику. Прошел всю войну! Сложен был военный путь за четыре долгих года! Много пережито, много переделано! Приходилось не однажды сталкиваться со смертью лицо в лицо! Много раз был ранен, получил контузию. Но уверенность в победе и в правое дело мира придавали бойцу силы и веру в жизнь. Федор Семенович награжден орденом Красной Звезды. Но особенно дорог ему орден Суворова, который он получил за то, что без единого выстрела снял немецкий гарнизон и дал возможность своей дивизии продолжать дальнейшее наступление на врага. После войны работал в военкомате в г. Кривой Рог.

Вот такие смелые, стойкие, мужественные люди, мои земляки, защищали Россию и с честью победили врага.

Наша Демьянская школа с самого первого дня ее существования славится педагогами, но сложно забыть о боевом и гражданском подвиге учительства в годы Великой Отечественной войны. Ведь оно знало историю не по книгам и газетам, а само активно творило ее.

Учитель - мирный человек.
Но в 41-ом каждом нервом
Он защищал 20-й век,
Чтоб жили школы в 21-м!

Биография учителей - фронтовиков оставила глубокий след в нашей жизни, поэтому педагоги и выпускники школы бережно хранят память об учителях - участниках сражений.

Фронт был далеко от Сибири, но каждый, живущий здесь, проводивший на фронт своих отцов, сыновей, братьев, сестер, чувствовал горячее дыхание войны и понимал, что над страной нависла смертельная опасность. Своим самоотверженным трудом в тылу врага советские люди приближали победу и среди них тоже учителя школы. Они награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945». Это достойная награда за их тяжелый, неженский труд, за бессонные ночи, за поддержку тех, кто воевал на передовой.

Кроме того что они продолжали учить детей, а во внеурочное время заготавливали дрова для школы, корма для животных, помогали колхозу в уборке картофеля, молотили и веяли зерно..... Вот выдержка из районной газеты «Коммуна» за сентябрь 1942 года: «Учащиеся и учителя Демьянской школы работают на уборке зерновых, навязав по 500 - 700 снопов при норме 400. В 1941 году учащиеся и комсомольская организация под руководством учителей отправила посылку бойцам». Газета «Коммуна» за 15 января 1943 года опубликовала: «Учащиеся готовят юбилейные посылки бойцам. С большим воодушевлением в школе собираются средства

на танковую колонну «Сибиряк». В первый же день собрано 510 рублей. Сбор средств продолжается».

Да разве можно все перечислить? Колхоз жил! Село продолжало существовать! В этом заслуга односельчан, учащихся школы и учителей

Вот их имена:

Пуртова Раиса Николаевна – учитель математики,
Елесина Таисья Ивановна – учитель начальных классов,
Мотошева Пелагея Семеновна – учитель начальных классов,
Батенева Ираида Николаевна – учитель немецкого языка,
Федорова Мария Степановна – учитель начальных классов,
Шабалина Мария Ивановна – учитель начальных классов,
Чернякова Евгения Георгиевна – учитель начальных классов,
Бизина Филя Петровна – учитель начальных классов,
Берчатова Ефросинья Васильевна – учитель начальных классов,
Забекина Лариса Матвеевна – директор школы.

Сложны судьбы учителей. Все они прошли трудный путь к долгожданной победе. И долг потомков – помнить их имена.

Человеческая память.... Время не властно над ней! И сколько бы времени ни прошло, благодарные поколения снова и снова будут обращаться к ней. Ведь память утверждает торжество жизни над смертью, разума над безумием, гуманности над варварством.

Почему мы вновь и вновь вспоминаем о минувшей войне? К имени ее героев? Потому что беспокоимся о будущем. Мы должны помнить о прошлом, чтобы фашизм не повторился вновь. Это наш долг. Долг перед страной, перед потомками. Перед своей совестью. Каждое поколение должно знать и помнить суровые уроки истории.

Вера Кобелева, с. Демьянское

В пасху

Быль

С Семёном Ильичом всегда случались какие-нибудь истории. То ли он их искал, то ли они сами ему поперёк дороги вставали. Но однажды с ним произошло такое, от чего он не мог опомниться до конца своих дней...

А время тогда было тревожное, непонятное, особенно для жителей глухих таёжных деревушек, разбросанных в глубь сибирских лесов. Но всё же хоть позднее, но и досюда доходили слухи о новой жизни, колхозах, коммунизме, а потом эти слухи становились явью и здесь. Загремели на полях трактора, кого-то раскулачили, кого-то увезли навсегда, перестал слышаться звон колоколов...

А люди жили и жили, стараясь понять новые порядки и приспособиться к ним, но сохраняя в глубине души веру в Бога и не забывая обычаев предков.

... Та весна была очень ранней на удивление сибирякам, привыкшим чуть ли не до мая не снимать тулупов. Старики рассуждали:

– Нынче Пасха в лете. Хорошо-то как!

– Да не шибко уж хорошо, гром-то на голые деревья гремел. Не миновать ли голода?

– Не умрём, коли живы будем!

Семён Ильич, нахристосовавшись и наговорившись вволю, пришёл домой, походил по избе из угла в угол и сказал решительно:

– Слышь, Пантелеевна, в лес я поеду за дровами!

– Окстись, Семён, праздник ведь, – робко начала старуха, привыкшая за тридцать с лишним лет супружеской жизни к всяким выкрутасам мужа.

– Да кого там! Слышал, чего комсомольцы бают? Нету-ка, мол, бога! Колокола вон поскидывали...

– Как это нету-ка? Гришку-то вот и наказал господь, руки-то от чего у него отнялись?

– Уйди, Пантелеевна! – решительно проговорил старик. – Раз собрался, значит – поеду!

Семён Ильич вышел во двор, где поджидал его запряжённый уже Буланка. Колеса телеги скрипнули, и поехал дед по знакомой с детства лесной дороге, вполголоса матеря новые порядки.

Вдруг Буланка беспокойно заржал и встал на дыбы, старик попытался его осадить, но эти усилия оказались бесполезными. Семён Ильич, оглядевшись кругом, совсем по-молодому спрыгнул и вышел вперёд коня! Странная картина открылась его глазам: на большом камне сидела седая старуха, худая, сморщенная; одежду ей заменяли неопределённого цвета лохмотья, в руках она держала, прижимая к груди, дырявую корзинку, в которой было несколько горбушек хлеба.

Семён Ильич подумал о том, что зря завалившийся в кармане сухарик скормил Буланке.

– Спасибо тебе, добрый человек, что пожалел, – большим надтреснутым голосом произнесла старуха и пошла по направлению к деревне.

Через минуту дед оглянулся – старухи уже не было. Неприятный холодок пробежал по его спине, но всё же Семён Ильич продолжил свой путь. Прошло немного времени, конь снова остановился.

– Что там опять? – заворчал путник. Потом он увидел, что перед самой мордой лошади лежал полный мешок зерна.

– Надо же, – удивился дед, – кто это хлебом разбрасывается? Надо прибрать. Он нагнулся, взялся за мешок, но не смог его даже с места сдвинуть. Пришлось объехать стороной.

Вдруг навстречу старик идёт. Ильич остановился, поздоровался с ним, а тот спросил:

– Видел кого-нибудь?

– Старушонку, оборванную, грязную, да ещё полный мешок зерна, но он такой тяжёлый, аж с места не смог сдвинуть.

Незнакомец ухмыльнулся в курчавую бороду и проговорил:

– А довези меня, тут не так далеко.

– Отчего же не довезти? Вдвоем веселее будет! – согласился Семён Ильич, а про себя подумал. «Какую опасну он тут делает? Промышляет? Так ведь шёл в другую сторону, а мне – довези, мол. Ничего не понимаю...»

– Семён! – сказал путник.

Ильич вздрогнул «Откуда он моё имя знает?»

– Слушай, Семён, вон ведро стоит новое на обочине. Сходи возьми, в хозяйстве пригодится.

– То-то моя Пантелеевна обрадуется!

Подошёл Ильич к ведру, да так отпрянул от него:

– Господи, боже ты мой! – С побледневшим лицом он вернулся на место.

– Ну, что ты, Семён? – поинтересовался странный незнакомец.

– Ведро до краёв кровью наполнено, – мрачно отозвался тот.

– Ну, ладно, дальше поехали.

Вот едут они, а время – уж ближе к обеду. Солнце всё сильнее припекает.

– Надо бы лошадь покормить, – прервал тягостное молчание путник, – вон стог сена стоит, сходи возьми охапку.

Семён Ильич подошёл к этому стогу, потянулся к нему рукой – да как вскрикнет. Это, оказывается, не сено, а огромная куча змей: все вдруг зашипели, начали извиваться. Дед, схватился за голову, выбежал на дорогу. Буланка заржал жалобно.

– Змеи там, а не сено, – с отвращением заговорил Семён Ильич.

Попутчик внимательно посмотрел на него и сказал:

– Дальше поехали!

Едут, через полчаса вновь видится им стог сена. На этот раз Ильич сам остановил коня и отправился на лужайку – любопытство мужика пробрало. Подошёл и удивился: то не сено, а голуби, перелетающие снизу вверх, слева направо и наоборот – никак не могут найти определённого места для себя, никак не успокоятся. Защемило душу у Семёна, пожал он плечами и вернулся назад, рассказал об увиденном старику. Тот, выслушав, произнёс:

– Поехали-ка ещё!

Ильич недоверчиво покосился на незнакомца, но всё же лошадь свою назад не повернул. И ещё один стог возник перед глазами путников, на этот раз они оба подошли к нему. Пройдя, остановились изумлённые, поражённые невиданной красотой: это были цветы, миллионы прекрасных цветов. Они кучами росли и расцветали на

глазах. Но больно сжалось сердце Семёна Ильича от того, что многие цветы, только начав распускаться, чернели и превращались в пыль, а через некоторое время, через секунды, на их месте вырастали новые. Вдруг завяла одна сторона цветочного стога, и пока она заново оживала и расцветала, рассыпалась в прах другая сторона. И так бесконечно...

– Ладно, Семён, назад поехали, дальше дороги нет, – сказал незнакомец и первым направился к лошади. Ильич молча пошёл следом, едва переставляя непослушные ноги.

Когда ехали назад, ничего не было – ни странных стогов, ни ведра... Не доезжая деревни с версты две, путник Семёна Ильича заговорил:

– Знаешь, парень, старушонку-то ты видел, думаешь кто она?

– ?

– А это мать пресвятая Богородица. Церкви-то все раскулачили, некуда ей деться, она и ходит по миру, милостыню просит. А хлеба-то ты видел – так ведь так оно и есть. Много хлеба, да только мужики-то его не видят: который в ямах гниёт, который горит, который на налоги...

Семён Ильич не вымолвил ни слова, а старик продолжал:

– А ведро крови там было, так слушай же: война будет, страшная, люди по колено в этой крови будут стоять и, как те змеи, от горя и голода извиваться. А потом, как окончится эта проклятая бойня, люди ещё долго не смогут вернуться в свои дома, будут годами искать друг друга, перелетать с места на место, как те голуби.

– А цветы? – невольно вырвалось у Семёна Ильича.

– Умнётся сумятица, упокоятся люди, будут жить счастливо, цветы как эти цветы. Да только всё это ненадолго. Не будет покоя людям, то тут, то там что-нибудь да случится – много ещё народу зазря погибнет. Видел, как много цветков, только цвет набравших, завяли не с того ни с сего?.. Вон и деревня твоя, Семён! На прощанье вот что тебе скажу: жить тебе осталось десять лет, и умрёшь в тот день, когда война, про которую я говорил, начнётся...

Сказал это старик и исчез.

Семён Ильич без памяти домой вернулся. Долго в себе таил о

случившемся, потом не вытерпел, да и рассказал сначала бабке своей, затем – мужикам, да ещё и посмеивался:

– Уж десять лет прошло, а я вот он, жив-здоров и помирать не собираюсь.

Через несколько дней утром пришла машина в деревню из райцентра, остановилась около ворот Семёна Ильича, из неё вышли два милиционера и вошли в дом. Один из них, видно главный, заговорил, не здороваясь:

– Гражданин Медведев, вы арестованы за антигосударственную пропаганду.

Старик замахал руками:

– Обождите маленько. Дайте мне хоть один блин съесть. Пантелеевна, давай живо!

Побелевшая старуха трясущимися руками кое-как справлялась со сковородником.

– На вот, съешь, – наконец, подала Пантелеевна мужу первый блин. Он съел, перекрестился и сказал:

– Дайте отдохнуть последний раз на своей лавке.

Он лёг под образа, закрыл глаза и лицо его стало таким тихим, спокойным, почти детским.

Через несколько минут старуха, запричитала:

– Умер ведь, умер!..

Незванные гости, пожав плечами, вышли из дома и решили проехать по всей деревне. Их внимание привлекла толпа, собравшись у сельсовета. Они остановили машину. Из репродуктора лился голос Левитана:

«Сегодня, 22 июня 1941 года...»

Елена Бабкина, с. Красный Яр

Великая Отечественная война в жизни моей семьи

На мероприятии, посвящённом Великой Отечественной войне, ведущий сказал:

- Встаньте те, чьи мужья и жены воевали.

Несколько человек встали.

- Встаньте те, чьи отцы и матери воевали.

Встали ещё люди.

- Встаньте те, чьи дедушки и бабушки воевали.

Встало много людей.

- Встаньте те, чью семью коснулась война, чьи прадедушки и прабабушки воевали, родственники и знакомые, соседи, те, у кого родные трудились в тылу.

- Встали все присутствующие в зале, и почтили память павших, минутой молчания.

На всём пространстве большой России нет такой семьи, которой не коснулась бы война.

Мой прадедущка с маминой стороны – Лупас Фёдор Петрович был военным. В 1940 году, когда родилась моя бабушка Катя, он служил политруком на Дальнем Востоке, на границе с Китаем. В это время советская разведка сообщала, что вблизи границ Советского союза идёт большое сосредоточение войск вермахта. Генеральный штаб, по указанию правительства начал переброску на запад войск из внутренних военных округов страны. В конце 1940 года Фёдора Петровича перевели на Украину, и вся семья переехала вместе с ним. Он был назначен старшим инструктором – организатором партийной работы Владимир-Волынского укрепительного района Киевского особого военного округа (КОВО). В апреле 1941 года переведён на должность старшего инженера по организации казарменных работ.

Владимир-Волынский укрепрайон находился в 15 километрах от Польской границы. Впервые часы войны, когда объявили, что наша граница нарушена, Федора Петровича вместе с другими, подняли по тревоге. Больше семья его никогда не видела. Никто из моих родствен-

ников не знает, как погиб мой прадед. Нападение противника было внезапным. Незадолго до нападения, начальство предупреждало пограничников: «Чтобы не спровоцировать начало войны, не открывайте огонь, не поддавайтесь на провокации врагов». Для многих воинов военного округа рассвет 22 июня 1941 года так и не наступил.

Пограничные заставы Владимир-Волынского погранотряда, где служил мой прадед, оказались в направлении главного удара немецко-фашистских войск. Укрепрайон представлял собой территорию в несколько десятков километров, с имеющимися на ней дотами, проходившими по линии границы. Доты – это усиленные железобетонные конструкции, оснащенные пулемётами или башенными артиллерийскими установками, для ведения оборонительного боя.

Из воспоминаний свидетеля того времени Порфирия Тихоновича Зубровского, об участке Владимир-Волынского Ура: «Я с другими рабочими евреями и немцами собирал оружие и хоронил немецких и наших солдат.

Один дот (то есть маленькая крепость) не сдавался немцам в плен, а больше 3 дней отстреливался, бил немцев. Немцы послали к нему в русской одежде переводчика (парламентёра), чтобы дот сдался в плен. Командир дота через окошко шапки дота застрелил этого парламентёра. Потом немцы подошли к доту и запустили какой-то газ, и было отравлено больше 60-ти человек, и в том числе – командир. Затем мы вытащили из дота всех отравленных и закопали их на глубине 2-х метров в той траншее, которая вела к дверям дота. Я думаю, этих героев никто не найдёт потому, что были со мной на этой работе евреи, и немцы, потом их тоже расстреляли». И ещё о защитниках этого дота – «Они все погибли смертью героев и не должны пропасть без вести».

На 22 июня 1941 г., в ходе боевых действий, все четыре армии, входившие состав КОВО были окружены и разгромлены. Были потеряны сотни тысяч бойцов и командиров. Это был только первый день войны, и такие потери!

В это время мою прабабушку Лупас Ольгу Михайловну вместе с дочерью Катей срочно эвакуировали в Поволжье. Везли поездом в грузовом вагоне. Поезд обстреливали и бомбили враги. Ольга Михайловна прикрывала собой годовалую Катю.

На протяжении всей войны прабабушка трудилась в колхозе. Было трудно, бедно, но в то время всем было трудно, и женщины поддерживали друг друга как могли. Есть, было, нечего, и бабуля до пяти лет кормила Катю грудным молоком. Всё что можно было, женщины отправляли на фронт, приближая победу.

Когда закончилась война, Ольга Михайловна вернулась в воинскую часть, где служил её муж. Она хотела найти хоть какие-нибудь сведения о нём. В военкомате ей сказали, что ваш муж пропал без вести впервые же дни войны. Никаких сведений о нём нет. Возможно, его взяли в плен, и он перешёл на сторону врага. Возможно, Вам и вашей дочери не будет пенсии по потере кормильца. В то послевоенное время, всех кто пропал без вести, считали предателями Родины.

У Ольги Михайловны не было своего дома, потому что военных постоянно переводили в разные части Советского Союза. Прабабушке идти было некуда, ведь до войны, они с мужем проживали на съёмной квартире. Бабулю просто выставили из военкомата вместе с маленькой дочкой.

До войны у Ольги Михайловны с Фёдором Петровичем был ещё сын Костик, но в шесть лет он заболел менингитом и умер. Она не понимала, за что ей выпадают такие несчастья. Она долго плакала от горя, а потом заболела.

По рассказам Ольги Михайловны, с мужем они жили очень дружно. Он любил её, заботился о ней, она ни в чем не нуждалась. Фёдора Петровича уважали в армии. Он был на хорошем счету, его постоянно повышали по службе. Вот строки из его служебной характеристики: «Занимаемой должности соответствует, требуется посылка на лечение. Очередного военного звания старший политрук достоин присвоения в очередном порядке. Идеологически тов. Лупас выдержан, морально устойчив. Политически развит. Пользуется авторитетом среди красноармейцев и комначсостава, как член партии насторожен и бдителен. К партийным заданиям относится добросовестно».

Он был сильным человеком, морально устойчивым, он не мог быть предателем Родины. Но ведь об этом тогда никто не думал. Нет человека, никто не видел, как он погиб, значит, - предатель.

Бабуле было трудно, но она нашла в себе силы, сняла жильё, устроилась на работу бухгалтером. Но часто болела и подолгу лежала в больнице. Её дочь Катя выросла, окончила институт и свою жизнь связала с педагогической работой.

Ольга Михайловна на протяжении многих лет бережно хранила часы - единственное, что осталось у неё из вещей мужа.

У Кати росла дочь Даша. Часы деда, бабушка хранила в платочке, в верхнем отделе платяного шкафа. Даше всегда говорили, что эту вещь трогать нельзя. Запретный плод всегда манит. Однажды Даша, оставшись дома одна, вытащила часы и вынесла их на улицу. Вдруг увидела, что идёт бабушка, испугалась и сунула их своей знакомой. Потом, мол, заберу. Прошло время, и бабушка обнаружила, что часов нет на месте. Даша призналась, что отдала их знакомой девочке. Оказалось, что брат девочки раскрутил эти старые часы, затем выкинул их за ненужностью. Бабушка очень плакала, а Даше было нестерпимо стыдно за свой поступок. Ей было всего шесть лет, но этот случай на всю жизнь научил её не брать чужого. Даша - это моя мама. До сих пор она вспоминает, что единственную семейную реликвию, своим руками отдала чужим людям.

Ольга Михайловна так и не узнала, как погиб её муж. Он был ещё молод, ему было всего 35 лет. Ольга Михайловна прожила почти 88 лет, она никогда не высказала даже плохого слова в адрес нашего государства и правительства. Имя её мужа, моего прадеда занесено в «Книгу памяти» Украины (Чернигов и Черниговская область).

В Туртасской школе Тюменской области, где я училась, есть поисковый отряд «Югра», который занимается поднятием останков Советских воинов и увековечением Памяти павших Защитников Отечества. Моя бабушка Катя обратилась к ним с просьбой разыскать сведения о своём отце. Из Подольского архива (ЦАМО) поисковики привезли сведения о том, где и в каком звании служил Фёдор Петрович, его передвижения по службе, служебную характеристику, в которой сказано, что он честный боец Красной Армии, а также сведения о том, что он пропал без вести в июне 1941 года. Место, где он воевал, теперь территория другого государства - Украины.

Бабушка Катя всегда мечтала съездить туда и посмотреть хотя бы на местность, где погиб её отец. Теперь сделать это уже не представляется возможным. На Украине тоже работают поисковые отряды. Моя мама писала на их сайты и просила помочь разыскать хоть какие-нибудь сведения, но ответа не было. Сейчас доступ к бумагам Подольского архива открыт для всех, на нём можно посмотреть сведения о своих близких.

Также открыт доступ и к спискам военнопленных. На территории Владимир-Волынска с 1941 года действовал концентрационный лагерь «Oflag XI A», где содержались пленные офицеры. Здесь ежедневно расстреливали от 8 до 10 офицеров, но фамилия моего прадеда не значится в списках военнопленных.

С недавнего времени к празднику Победы бабушке Кате приносят денежную помощь, как дань памяти и уважения к судьбам матерей и детей, кому выпала горькая доля испытать все тяжести лишений военной поры. Моей бабушке, Лупас Екатерине Фёдоровне, сейчас 76 лет. Она ежегодно в Туртасе, в день Победы возлагает цветы у памятника погибших воинов. Два года подряд она проходит с портретом своего отца в строю «Бессмертного полка».

Судьба каждого человека уникальна и неповторима. Вглядываясь в лица фронтовых фотографий «Бессмертного полка» задаёшься вопросом: сколько боли и страдания вместились в судьбу солдата, прошагавшего дорогами войны? Многие из них вернулись инвалидами, многие рано ушли из жизни, кто-то как мой прадед пропал без вести. Все они заслуживают нашего глубокого уважения и памяти.

Мой старший брат Виктор - боец поискового отряда «Югра». В течение пяти лет он совершил семь экспедиций на бывшие поля сражений в Ржевском районе, Тверской области. В 1942-43 годах там шли ожесточённые бои. Участник тех событий маршал Советского Союза В.Г. Куликов назвал ориентировочную цифру общих потерь Красной Армии на Ржевской дуге – 2 миллиона 60 тысяч человек. В тех местах очень много братских могил. Бойцы отряда занимаются поднятием и перезахоронением останков Советских воинов. Отряд существует с 1987 года. За это время поднято и пе-

резахоронено более 3 тысяч останков Советских воинов. Мой брат нашёл именную ложку и медальон, в котором удалось прочитать сведения. Сейчас члены отряда занимаются поиском родственников погибших. За многолетний труд по увековечиванию памяти павших воинов Виктор награждён нагрудным знаком «За активный поиск».

Наша семья свято верит, что однажды Украинские поисковики найдут и прочитают содержимое медальона нашего отца, деда и прадеда – Лупас Фёдора Петровича. Тогда мы будем знать место его гибели, и всей семьёй 9 мая принесём туда живые цветы.

Виктория Гусар, п. Туртас

Сумятица

*Посвящаю памяти
моей бабушки Раишевой Анастасии Мироновны*

В этом рассказе, написанном по воспоминаниям мой бабушки Раишевой Анастасии Мироновны (1901–1984), многое забыто и утеряно: точные даты и фамилии, а также названия населенных пунктов. Конечно, если «порыться» в архивной пыли, то можно восстановить хотя бы часть их. Но мы не считаем нужным делать этого, так как не вправе судить тех, кто жил в начале нашего сумасшедшего века; тех, над кем, как писал М. Горький, «проводили эксперимент».

...Они, не разговаривая, втокнули меня в какую-то избу. Посередине прихожей стоял стол, за которым сидел молодой щеголеватый мужчина в военной форме без погон. Приказав двум мужикам с грязными небритыми рожками, которые привели меня сюда, удалиться, исподлобья взглянул в мою сторону и спросил:

– Чья будешь?

– Сирота я. С семи лет по чужим людям хожу, – почти десять лет мне приходилось говорить незнакомым эти слова, которые сплетались в жалобную, щемящую душу песню. Потупив глаза, я стала продолжать:

– Сейчас в пострадках была весь этот год у...

– А! Мирона Раишева дочь. Знаю, знаю! Значит ты так одна и есть? Но ведь кроме тебя ещё кто-то в живых остался...

Я молчала, мне показалось, что страшная картина того далёкого и в то же время такого близкого детства возникла передо мной: кровь на полу, на окнах, на потолке... Брат с разбитой головой, первую ночь спавший дома после армии; двухлетний Егорушка, плачущий на полах, но живой, хотя тоже весь в крови; раненый отец... У меня подкосились ноги и потемнело в глазах, резкий голос, холодно насмешливый, вернул моё сознание в реальность:

– Ну, а ты как спаслась?

– В подполье схоронилась...

– Уж не повезло вам тогда. Есаульские мужики здорово вас почикали из-за двух мешков муки. Особенно Кольке не повезло – япошки не убили, так татары есаульские кистенем жажнули. Вместе ведь мы воевали с ним за империю, за корону российскую. Помню, как он в это своё Трошино торопился. И за чем? За смертью... Звал ведь к себе в Летни, не захотел.

Я не разговаривала с ним, потому что тоже его узнала. За последние несколько месяцев он прославился своей жестокостью. Что-то кошмарное таилось в его имени – Николай Степанович. Да, именно так его все величали. Я смотрела на него, и мне казалось, что передо мной мелькали руки в крови по локоть.

Вдруг из соседней комнаты раздался стон. Николай Степанович рассерженно вскочил и приоткрыл дверь, в щель я увидела измученную с кровоподтёками на лице беременную женщину. То была учительница, а муж у неё – партийный, я знала об этом.

– Чего тебе? – рявкнул Николай Степанович.

– Пить, – едва шевеля губами, попросила та.

– Я тебя сейчас свинцовой пулей напою, если не скажешь где? – закричал он, захлопывая дверь.

Потом он, пройдясь по прихожей взад-вперед несколько раз, обратился ко мне:

– Ну, а ты, если хочешь, чтоб тебя не протащили, вон как её, через моих караульных, отвезёшь тут одну девоньку за деревню в лесок. Там, у овражка, ждать будут. А потом ещё кого-нибудь отвезёшь. Работа теперь у тебя будет такая – отвозить! – Николай Степанович так захохотал, что у меня мурашки по спине пошли.

Ко мне подвели лошадь, запряжённую в двуколку, а потом и девушку ту прикладами из амбара вытолкали – те же мужики, что и меня сюда привели под конвоем. Молодая, красивая, но избитая, руки в синяках, платье изорвано всё. Села она рядом со мной и повезла я её. А как стали к тому месту-то подъезжать, она так заплакала, что и у меня слёзы полились; потом обхватила голову руками и закричала:

– Прощай, белый свет!

... С тех пор прошло больше, чем полвека, но крик этот – до сих пор у меня в ушах, а она – перед глазами. Я даже ни имени, ничего у неё не спросила...

Вот повели её, а я ещё не понимала, куда. Повернула лошадь и назад поехала. Вдруг слышу – она что-то запела, потом выстрел раздался. Тогда только ясно мне стало, какую работу дал Николай Степанович бедной сироте. Слёзы градом покатались из моих глаз, хлестнула изо всей силы кобылёнку и, не видя дороги, назад вернулась.

Меня снова в ту избу втолкнули. А там у учительницы уж схватки начались, вот-вот родить должна... Николай Степанович наступил ей на руку сапогом подкованным и говорит:

– Последний раз спрашиваю, скажешь где?

Она лежала в луже собственной крови и, захлабываясь от боли, только мотала головой. Он выстрелил сначала в живот, затем в голову. Раздался последний стон...

Я всё это видела в приоткрытую дверь. Николай Степанович вышел, глянул на меня, как ворон на цыплёнка и ничего не сказал; позвал караульных, приказал им убрать труп, а меня полы мыть заставил.

Неделю я в таком страхе и прожила. Через несколько дней меня опять заставили везти одного политического на расстрел... Он знал об этом, но ехал молча. Не довезла я его до того места, свернула в сторону на полпути. Пронесло как-то. Вокруг как раз никого не было. Политический понял это и впервые заговорил со мной:

– Сестрёнка, вернись! Ведь замучают они тебя из-за меня.

А я его не слушаю, изо всей силы лошадёнку погоняю. Не знаю, сколько мы ехали, уж солнце клонится к западу начало, и кобыла упала и на глазах у нас издохла. Пошли мы дальше пешком вдоль Иртыша, потом найдя долблённую лодчонку дырявую, перебрались через реку. Местность я знала немного, решила увезти своего политического дальше, на север, к своей тётке, в деревню Чеснок. Пришли мы туда, я так и ахнула – белые там, оказывается, уж несколько дней стоят.

Всё же спрятали мы его с тётей Таней в картовную яму, а сами боимся: вдруг он там задохнётся или беяки найдут?

Через неделю белые ушли. Спокойно деревня вздохнула. Но не успели мы опомниться – к вечеру плохую весть принёс Еська, остяк, босиком прибежавший по недавно выпавшему снегу. Кричит, руками машет, едва мы разобрали его картавый лепет:

– Беките! Красный идут! Много их! Грапят всех, режут, ребятишек на кострах жгут. Спасайтесь!

Засобирались мы с тётей Таней, да и деревня вся засобиралась. Политический нас отговаривает. Да куда там! Сложили мы кое-какие пожитки на телегу, скот на погибель оставили и поехали на рассвете, куда глаза глядят. А политического под матрацы спрятали.

Вечером остановились отдохнуть на постоялом дворе, переночевали тут же. Утром выбежала на улицу, стою у реки. Вдруг из лесочка вышли трое молодых парней в военной форме, с блестящими винтовками, поздоровались, хлеба попросили. Я сбегала, принесла булку. Они быстро всё съели, запили холодной, с хрустящими льдинками, водой.

Я потом спросила:

– Вы кто будете?

Один из них, самый молодой, засмеялся:

– Красный мы!

Я как вскрикнула и побежала в дом.

– Тётя Таня, там красные! – кричу, задыхаясь.

Она перекрестилась, села под икону со словами:

– Будь, что будет!

Политический посмотрел на нас и заулыбался. Через несколько минут вошёл мужчина в кожаной куртке, в фуражке со звездой. Представившись командиром красного отряда Л...м, спросил:

– Чьи вы? Откуда?

Тётя Таня быстро встала, загородив собой меня, отпартовала:

– Мы бойцы с Болчаровского фронта!

Л... засмеялся, а потом, обращаясь к нашему политическому, сказал:

– Ваши документы, товарищ!

Мы с тётей Таней так и обмерли – знали, что нет у него никаких документов. Я за голову схватилась и молюсь про себя о том, чтоб всем нам в живых остаться. Шепчу, едва шевеля губами слова о спасении и наблюдаю, что дальше будет. Политический снял сапог с ноги, ножом отпорол подошву и достал бумаги. Л... внимательно перечитал их и вернул владельцу; и пожав ему руку, сказал:

– Всё в порядке, товарищ Г... Я слышал, что Вас где-то не то за Уватом, не то около Демьянска расстреляли.

Г... улыбнулся и, глядя на меня, проговорил:

– Это вот Настеньке спасибо! Из пасти самой смерти меня вырвала, привела по какой-то дороге, ей одной ведомой, – по болотам, да по тайге. Больше недели клюквой, да кедровыми орехами питались, у неё и серянки откуда-то нашлись, иногда у огня грелись. Избушки тут есть охотничьи, ей и о них известно: даже не подумал бы... А тётушка её у банды под самым носом меня спрятала.

– Что ж, «бойцы с Болчаровского фронта», я выражаю вам огромную благодарность за ваш подвиг, – отдал нам честь Л... и, понизив голос, добавил: – А сейчас возвращайтесь домой, в свои избы, скот Ваш гибнет, да и как хозяйство своё кровное на произвол судьбы бросать?

Г... и Л... вышли, а мы, ошеломлённые таким поворотом дела, молча смотрели друг на друга. Затем всё так же, без слов, собрались и по-

ехали обратно. Сзади нас слышалась постепенно стихающая песня, которую пел, уходящий на север, отряд красногвардейцев. Вот так мы и разъехались. Больше никогда никого из них в своей жизни не встречала.

Зато с Николаем Степановичем рядом жили. С ним я никогда не разговаривала, он же стороной меня обходил, старался в глаза мои не смотреть. Наверное, боялся, что всю правду расскажу про него – уж не знаю, как он её скрывал.

А я молчала... Почему? Да потому, что в душе моей до сих пор сумятица: не знаю, не могу до конца понять, кто был тогда прав и кто виноват. Ведь убивали и те, и другие: белые не жалели красных, красные – белых. Часто бывало и такое, что кровные родственники: братья, отцы и сыновья становились смертельными врагами и убивали друг друга. И все потому, что одни пошли в «красные», другие стали «белыми».

НЕ ПРИВЕДИ, ГОСПОДИ, на землю нашу многострадальную ещё раз такую сумятицу.

Елена Бабкина, с. Красный Яр

Менло родного очага

Все мы родом из этой деревни

Все мы родом из этой деревни.
Здесь родиться и жить довелось,
Но как вижу я эту разруху,
И обида, и горечь до слез.
Наши предки не зря здесь селились:
Тут и пашня, и рядом река,
Сенокос тут и дичи водилось,
Ну а строили - так на века.
Где Андрей, тетя Нина, Матрена,
Евдокия, Анисья Иван,
Все ушли, все лежат на погосте,
Не приняв улучшающих ванн.
Разлетелись мы все по России,
Кто в Тобольске, а кто и в Москве,
Но родная моя деревенька
Вижу часто тебя я во сне.
Вижу дом свой, ограду большую
И березы под нашим окном,
Колокольчик звенит на Чернушке
И Рыжуха бежит вечером.
Помню, летом мы все на работе,
Кто по дому, а кто на Исток,
Едут с песнями, дружно, в надежде.
Только чуть- чуть забрезжит восток.
Помню, в школу оравой большою
Мы ранехонько дружно бежим
С косогора на сумках промчимся
А с морозу на печке лежим.
Далеко это все, не воротишь
Те далекие милые дни.
Нашу память и все наши души
Тополя охраняют одни.
Ты родная моя, Луговая,

Вид прекрасный вблизи Иртыша,
Собрала ты сегодня нас вместе,
Чтоб открылась, запела душа.
Все здесь вместе: и дети, и внуки,
Я ж, как в детство сегодня пришла,
Так хочу, чтоб ты в душах потомков
Бесконечно и долго жила.

Мария Першина, уроженка Лугово-Слинкино

Тепло отчего дома

Как много стихов есть хороших про маму,
Их много, наверное, будет еще,
А я расскажу вам сегодня про папу,
Я помню заботу и ласку его.

Кто в детстве садил на могучие плечи,
Подбрасывал в небо и снова ловил?
Мой папа, хороший он, лучший на свете,
Он друг и учитель, и мой командир.

Мой папа всегда для меня был примером,
Я помню уроки его хорошо,
Он в трудный момент своим мудрым советом,
Умел поддержать и подставить плечо.

Дорога меня уводила из дома
И вновь возвращала к родному крыльцу,
Но тот огонек, что у, отчего дома
Маячил вдали и манил в теплоту.

И сколько бы лет с той поры не промчалось,
Но я не забуду отцовский наказ –
Беречь свою семью, работать на совесть,
Дарить доброту, никого не предав.

Пускай пролетают года безвозвратно
И мы повзрослели, из детства ушли,
Но хочется в детство вернуться обратно,
Где был бы наш папа и пристань в дали.

Раиса Порвина, п. Першино

Мама

Вот уже выросли дети,
Внуки летом бывают,
А зимою метели
Все вокруг засыпают.

Разлетелись сыночки
Города покорять,
Ну а мама не хочет
Все никак уезжать.

Тишина, стынут стены,
Сны тревожные снятся,
Еще ветки рябины
Ночью в окна стучатся.

Деревенские будни
Согревают ей душу,
Здесь ведь выросли дети,
Как же дом этот брошу?

Здесь в любви и согласье
С мужем прожиты годы,
Да вот только несчастье
Принесло все невзгоды.

Здесь знакомые тропки,
У реки плачут ивы,
А подружки – березки
Как и раньше красивы.

Разлетелись сыночки,
Мама ждет и скучает,
А уехать не может,
Край родной не пускает.

Вы пишите ей чаще,
Или просто звоните,
Ваша мама не вечна,
Это тоже учитите.

Раиса Порвина, п. Першино

Родной маме посвящается

Опять уж осень на дворе
Надела яркий свой наряд,
И мама в ожиданье у окошка
Ждет нас который год подряд.
В глазах её - застывшие слезинки,
В проборе головы - сединки,
В даль устремился грустный взгляд....
Ты, отдавая нежность без остатка,
Детей своих любила, как могла.

Дай Бог тебе здоровья, дорогая,
Душе твоей надежды и тепла.
Приедем мы под свод родного дома,
Ты выйдешь из калитки нас встречать,
И нет на свете никого дороже,
И ближе, чем родная наша мать.

Тамара Игнатъева, п. Демьянка

Мама все ждет

Вот опять за окном разыгралась осенняя вьюга,
И в душе не покой, и по жилам бежит холодок.
Как там мама моя? Непогода ведь ей не подруга,
Не заеду никак навестить её, хоть на часок.
Ведь давно мы не дети, седые уже и с усами
И бывает плохие прогнозы, судьба выдает,
А в минуты отчаянья так не хватает нам мамы,
Что б, как в детстве сказала: «терпи мой родной, заживет».
Пусть на улице снег или дождь и в ухабах дорога
Если есть перед мамой, какие-то грехи,
Постарайся, мой друг, доберись до родного порога
И скажи своей маме простые слова – «Мам, прости»
Пусть подольше в домах наших мам ярко светятся окна
Из трубы пусть струится столбом синеватый дымок
Нас никто так не ждет, только мамы умеют ждать долго
Ждут и ждут своих чад, что вот-вот забегут на часок.

Любовь Букаринова, д. Солянка

Любимая Мама

Спасибо тебе, за то, что ты есть
Родная, любимая мама!
За лучшие дни, что дарила ты мне,
Хоть вёл себя я упрямо.

Бессонные ночи, переживанья,
Радость и слёзы в глазах.
Будь счастлива ты, моя дорогая
Прости, если я был не прав.

Пусть солнце в окошко твоё постучит,
Согреет теплом твоё сердце
И счастьем наполнится милый наш дом,
Спасибо за лучшее детство!

За нежность и ласку твою, и любовь,
За песни, что ночью мне пела.
Пусть рядом с тобою всегда будет Бог,
Чтоб ты никогда не болела!

А годы летят и выросли мы,
Растут наши милые дети,
И стало нас больше на этой земле,
На этой огромной планете.

Любовь свою даришь ты детям моим,
Для них ты поёшь свои песни.
Поздравить тебя сегодня хотим,
Целуем тебя мы все вместе!

Иван Зольников, с. Уват

Сыну Николаю

Когда закат сменил рассвет,
Сын появился мой на свет.
И улыбнулся миру ты,
Дитя моей большой любви.

Спустился ангел твой с небес,
Посланник Божий в мир чудес.
Я Бога стал Благодарить
И радостью своею жить!

Любимой, нежной, дорогой
Я подарил свою любовь.
Ты подарила мне детей,
И стали мы еще родней.

Когда ты вырастешь, мой сын,
Ты станешь сильным и большим.
Мы сбережем с тобой семью,
Сестёр и милую мою.

Иван Зольников, с. Уват

Назвала тебя Юлей мама

Назвала тебя Юлей мама
В первый миг твоей жизни земной.
«Моя Юлька», - она шептала,
Захлебнувшись счастья волной.

И не знала она, наверно,
Что за славной ее малышкой
Наблюдает любящий, верный
Бог земли и неба Всевышний.
Он берег и хранил тебя с детства,
Незаметно прокладывая путь.
Добрый Папа шел рядом ответственно,
Ставил цель, помогал не свернуть.

Дал тебе Он второе рождение
И своим ребенком назвал,
И в земных твоих похождениях
На секунду не оставлял.

«Не оставлю тебя!» - обещания
Он свои всегда исполняет.
После темных туч испытания
Снова солнышко Божье сияет.

Есть у Бога, у Папы Небесного
Много счастья для дочки своей,
Много радости, много чудесного
Утешенья в минуты скорбей.

Юлька-Юленька наша «пушистая»,
Наша милая в Боге сестра,
Мы желаем, чтоб чаще лучистая
Озаряла улыбка тебя.

Пусть не знаешь, что будет завтра,
В Божьей книге все твои дни,
Потому без малейшего страха
Веселее вперед смотри!

Татьяна Высоцкая, с. Уват

Евгению

В мае солнышко печёт,
Всё в природе оживает
С гулом трогается лёд,
На заре в лучах сверкает.

Буйно вспыхивает жизнь –
На опушках, в кронах сосен,
Гомон пташек зазвенит
В небе радужную просинь.

Этот месяц твой, Евгений,
Благодарен будь судьбе –
Праздник мая, день рожденья
Пусть запомнится тебе.

Годы лучшие семнадцать,
Ветер вольности в груди,
С детством нужно расставаться,
Юность жизни впереди.

Прозвенит звонок последний.
Школа кончится, и там...
Выбор места в жизни верный –
И решать уж будешь сам.

Дорогой ты наш, Евгений,
Не ищи дорог просторных.
Больше дела, меньше лени.
Человеком будь достойным.

Никогда не забывай
Этот край и папу с мамой,
Слово первое сказал,
Шаг свой сделал, первый, самый...

С материнским молоком
Русский дух впитал с пелёнок,
Из гнезда лети орлом
...ты наш ребёнок.

Александр Минин, с. Уват

Наследство

Сын один, - он есть один,
Два-уже порода.
Ну а три, вот это сын
Продолженье рода.

Крепнут внуки на глазах,
Жизни нить не оборвётся.
Правит разум в стариках,
В молодёжи сила бьётся.

Мне отец давно сказал:
Суета подобна лени,
Не спеша веди дела
И не падай на колени.

Ты издревле на Руси
Сыновьями род гордился,
Сеял хлеб, траву косил,
С басурманом в поле бился.

Наш летящий к звёздам век
Этой ценности не гасит,
Будет вечным человек
В мире генной ипостаси.

Александр Минин, с. Уват

СЫНОВЬЯМ

Гонит тучи в ночную мглу,
Ошалевший от сырости, ветер,
Об одном я у Бога молю:
Дай удачи и счастья детям.

Не ломай, не безумствуй, рок,
Дай взойти семенам в наследстве.
Если б только за них я мог,
Я подставил своё бы сердце.

Закали для житейских битв,
Но не жги раскалённой пылью,
Пусть с надеждой птенец взлетит,
Расправляя в полёте крылья.

Александр Минин, с. Уват

Навеки с мамой

Ранним утром мама сына провожала,
Слезы утирала уголком платка.
«Сохрани ты Боже, - про себя шептала, -
И твоя дорога будет пусть легка».
Словно ветром буйным, подхватившим ветку,
Понесло по жизни дорогую плоть,
А таёжным гнусом и морозом крепким
«Насладиться» вдоволь сыну довелось.
«Не волнуйся, мама, - пишет он в посланье, -
Только ради Бога береги себя,
Буду скоро дома - до свиданья,
Крепко обнимаю, милая тебя».
Привезли кровинку в тесной домовине,

А друзья не в силах слез мужских сдержать,
Не смогла живого встретить дома сына
И сердечных мук не выдержала мать.
Хоронили люди маму вместе с сыном,
Много слез и горя пролилось вокруг.
Написал художник на плите могильной:
«Ты навеки с мамой, успокойся, друг!».

Владимир Гусейнов, п. Туртас

Мамин подарок

Мне вспоминается мой день рожденья:
Мама накрыла нам праздничный стол,
Мы, ребяташки, с большим наслаждением
Ели варенье, конфеты и торт.

Среди друзей время быстро летело,
Смех, поздравленья, подарки, слова.
И незаметно походкой несмелой
Мама тихонько ко мне подошла.

«Володя, сынок, - она нежно сказала, -
Я тебе что-то хочу показать».
Взяв мою руку, с собою позвала,
К тумбе со шторкой меня подвела.

Мысли в моей голове перепутались:
«Что же тут спрятала мама моя?».
Вдруг из-за шторы, блестя перламутрами,
Мне подмигнул настоящий баян.

Я потерял от смущенья дар речи.
Как же! Подарок такой дорогой!

Мама, поняв всё, пошла мне навстречу,
Проговорила: «Возьми, он ведь твой».

Все, с восхищением глядя на подарок,
Дружно и громко кричали: «Ура-а-а!»
Мама от радости слёз не сдержала,
Лишь прошептала: «Сыночек, сыграй...»

Годы прошли. И с времён этих давних
Нет среди нас дорогих близких лиц.
Но не забыть мне подарок тот мамин.
Он остаётся со мной на всю жизнь.

Владимир Гусейнов, п. Туртас

Жемчужный вальс

Мы с тобою долго не дружили,
Не клялись при встречах верностью любви,
Но уже вот 30 лет прожили,
Словно в синем небе прокружили
Над седыми головами журавли.
Были и у нас с тобою весны,
Были и порой холодные дожди,
Позади жемчужной свадьбы песни,
Но зато мы убедились: вместе
Столько лет прожить – не поле перейти.
Осень, не стучись в наше окошко,
Бабье лето, не спеши уйти опять.
Господи, прошу совсем «немножко»:
Не сойти бы с жизненной дорожки,
На коронной свадьбе станцевать.

Раиса Порвина, п. Першино

Тревожное ожидание

Непогода. Вьюжит. Ветер воеет.
Не видать не зги. Письма все нет
Мать в окошко смотрит, сердце ноет:
Где-ты мой солдат? Ну напиши ответ.
Хоть пару слов черкни, что все нормально,
Твое ж письмо – для матери бальзам,
Как горько матери, и как печально,
Не знать, не видеть, только думать, как ты там?
Ты служишь на границе, а мать дома протягивает
руки к небесам.
Все просит, просит милости у бога
И часто ей не спиться по ночам.
Ведь, только мать, с такой большой душою
Способно все простить, и долго ждать
Как тяжело, ей становится порою...
–Ну почему? – Да потому, что она мать!
А за окном пока еще все вьюжит,
Всё так же не видать не зги, темно
Я обращаюсь к тем, кто где-то служит;
«Возьмите ручку, напишите матери письмо»

Любовь Букаринова, д. Солянка

Проводила сына я,
В дальнюю дорогу.
Плакала, рыдала,
С самого порога.

Долго думала о том,
Как ему придётся
На чужбине одному
И когда вернётся?

Всё тоскую и страдаю,
И о нём я вспоминаю.
Как же ты там мой сынок?
Понял жизненный урок?

Береги себя родной,
И пиши почаще.
Как вернёшься ты домой,
Мы закатим пир горой!

Надежда Новикова, с. Новый Уват

Фальшивомонетчик

*Посвящаю памяти
моего деда Камаева Емельяна Тихоновича*

Емельян Прокопъич за всю свою жизнь нажил тысячу рублей – это всё, что удалось ему утаить от старухи. Она на старости лет совсем взбесилась: по три щепотки махорки на день ему выделяет, по одной паре валенок на две зимы, пенсию за него сама получает и в свой сундук прячет. А тут ещё ревновать начала. Да как же так жить – от можно? Совсем не стало житья Емельяну. Долго думал дед, что делать. И решил он съездить в город.

– Куда опять, кобель старый, тебя потащило? – не было конца старухиному ворчанию.

– Людей посмотреть и себя показать!

– Я те покажу! – грозилась бабку ухватом, которым доставала чугуны из печи.

Тем не менее Емельяну Прокопъичу удалось убедить свою благоверную в том, что человеку просто необходимо иногда сменить обстановку:

– Слышь Анна Памфиловна, дажесть ученые мужики, да и бабы тоже, говорят, что это необходимо для проверки чувства.

Она только руками всплеснула, опешив от таких заумных речей мужа.

«Я тебе бабка, докажу, что не лыком шит, что пора прекращать меня обзывать да издеваться надо мной», – думал Емельян Прокопъич, выходя из городского сбербанка с увесистым мешочком за спиной. Этот мешочек был почти полон пятаков – дед тысячу разменял.

Емельян Прокопъич, добравшись на попутках до родной деревни, тайком по задам, прячась в картовнике, прокрался до своей избёнке, выследил, когда Памфиловна ушла к соседке и прошмыгнул в дом.

Он спрятал драгоценный мешок у себя на печи: тулупом прикрыл, а сверху фуфайку с подушкой бросил. «Здесь будет надёжнее всего. Старуха моя ко мне сюда никогда не залазит, шибко гордая. Ишь, и меня уж годов десять к себе не пускает, всё боится, сто ключ от сундука с ее шеи стащу. Дура она и есть дура!» – старик прекратил свои раздумья, услышав, что бабка вернулась. Он укрылся одеялом и захрапел, притворился спящим.

– Ах, Оммеля хитрозадый! Нет, чтобы забор починить, дак он дрыхнет!

– Ладно Анюта, не ругайся, – сладко заговорил дед, слезая с печи.
– Будет тебе серчать-то! Одна ты у меня! Зачем мне другие-то старушенции?

– А ты чего это, старый, соловьём то запел? Уж не обесчестить ли меня хочешь?

– Тьфу! Сдурела? Разве это так называется? Да у меня даже в мыслях такого и близко не было, – обиделся Прокопъич.

– Да куда уж тебе! Ты вот как та тыква на огороде: брюхо растёт, а

кончик отсыхает! – последние слова она выкрикнула уже из-за двери и с невероятной быстротой её захлопнула.

В след Анне Памфиловне летело увесистое полено.

Дед, наконец, оставшись один, облегчённо вздохнул и принялся за дело: принёс со двора кирпич, продолбил в нём дыру, желобок сделал из двух узеньких дранок и вставил его в отверстие того самого кирпича. Потом он залез на печь, поставил своё изобретение на самый край, улёгся и с нетерпением стал ожидать прихода Анны Памфиловны. Вот она пришла, загремела на кухне чугунами и вёдрами, а потом спросила:

– Ты, Оммеля, седни есть-то будешь?

– Буду! Буду! А покамест иди -ко сюда и тазик с собой тащи.

– Зачем его?

– Да вот сюда, сюда ставь, – командовал дед, указывая на место под желобком.

– Ну? А теперь чего?

– А сейчас смотри!

В тазик упал, звякнул, пятак, другой, третий, четвёртый, десятый...

– Ой, господи, прости меня, миленький, – закрестилась старуха, – Что это такое?

– А вот, – заважничал Прокопъич, – станок я изобрёл, который деньги делает. То-то тебе! Только ты не говори никому, а то меня в тюрьму посадят.

– Что-то с тобой, Анна, стряслось. Какая-то ты сама не своя стала – говорила недели через две своей давнишней подруге, соседка Спиридониха.

– Ох, Фёкла, Фёкла! Извелась я вся. Дедка-то у меня машину какую-то изобрёл. Она деньги сама делает. Тазик подставляю, а он там у себя, на печке, кнопочку нажимает, за рычаг дёргает, и деньги сыплются. Сейчас я кажин день, как в магазин идти, говорю деду, он

нажимает на кнопочку и делает девяносто пять копеек. Это на булку хлеба, да на пачку «Космоса» ему покупаю. Взяла как-то «Звёздочку», дак он меня чуть не заел. Я говорит, тебя кажин день капиталом обеспечиваю, а ты мне херню покупаешь. Ох, Фёкла, не говори токмо никому, а то Оммелю мово в тюрьму посадят.

Как только Анна Памфиловна ушла, Спиридониха быстренько побежала к другой старухе, вызвала её на улицу и, оглядываясь по сторонам, что-то шёпотом затараторила. А потом вслух добавила:

– Ты только не говори никому, а то его в тюрьму посадят. Таким образом тайна по секрету («никому не говори») вскоре разошлась по всей деревне. Узнала об этом и милиция.

– Так что же Вы, гражданин Сухоногов, на старости лет начали заниматься преступной деятельностью? Отвечать будете по закону, – стараясь быть строгим, говорил деду молоденький участковый.

– Неуж Вы заарестуете мово Омельяна Прокопъича? – заплакала бабка.

Дед сердито топнул ногой и прикрикнул на неё:

– Цыть, старуха! Иди в амбар да собирай харчи мне в дорогу!

Когда Памфиловна ушла, Прокопъич торопливо заговорил, объясняя милиционеру, в чём тут дело, и станок свой по казал со словами:

– Бабе только моей ничего не говори, а то живьём съест, сынок!

Тот захохотал и вышел из дома, столкнувшись с обезумевшей старухой, которая несла котомку с сухарями.

– До свидания, бабушка, – сказал он ей и пошёл прочь, улыбаясь.

– Ну, что Оммелюшка? – спросила перепуганная Анна Памфиловна.

– Договорились мы с ним. Станок я ему продал за пятьсот рублей. Чур, это мои личные деньги! Не смей их брать у меня и в ящик свой дурацкий прятать!

Старуха кивала головой и с глубоким уважением, преданно смотрела в глаза своего мужа.

Елена Бабкина, с. Красный Яр

В Рождественскую ночь

Это был день накануне Рождества, елка еще с Нового года стояла и пахивала хвоей. Сначала Димка помогал, матери стряпать пельмени, потом она отправила их с отцом за петухом для завтрашнего праздничного обеда.

Димке предстояло достать петуха из курятника, который находился наверху в хлеву. Димка нехотя пошел, думая о том, что он давно уже должен быть на катушке, где его поджидали дружки. Отец остался внизу, а Димка подставил лестницу и залез в курятник. Петухов было два, и один из них приносил немало хлопот всем, потому что мог нападать внезапно на кого угодно и клевать. И было решено именно его, использовать для праздничного стола.

Открыв дверку курятника, Димка стал ловить забияку. Поднялся страшный шум: петух, словно почуяв свой последний час, забился в дальний угол и яростно сопротивлялся, точными ударами клюва попадая в Димкины руки.

Наконец, изловчившись, Димка схватил петуха, но пока нашарил ногами лестницу, потерял на мгновение бдительность, и петух долбанул его в лицо. Среагировал Димка поздно, и возле глаза осталась отметина. Поморщившись, он передал петуха отцу и, не обращая внимания на боль, помчался на катушку.

На горке было шумно, весело и, не смотря на мороз, жарко. Катались на санках, досках и собственных штанах. В игре и время забывается – спохватившись, и вспомнили о доме, когда уже звезды ярко мерцали в вышине, и луна дышала на землю морозным, туманным облаком. Было холодно, чувствовалось, как мороз хватал за щеки и нос.

Чтобы добежать быстрее до дома, Димка пошел со стороны скотного двора. Пробегая мимо, он услышал шум. Остановился, прислушался и открыл дверь в помещение, где содержался скот. Он увидел, что бык Ерема, сорвавшись с привязи, «наводил порядки», оторвав доски и перегородки, доставал рогами поросенка и бросал его в противоположный угол, отчего поросенок визжал, будто его резали.

Димка и сам побаивался быка, после того, как летом тот выка-

тал его в крапиве, а соседку тетку Марью загнал на дерево (Как она смогла заскочить туда с больными ногами, было непонятно, так как с дерева ее снимали пятеро мужиков).

Когда Димка открыл дверь, бык бросил поросенка и пошел на него. Димка сразу попятился назад, но бык наступал быстрее и вытолкнул его на улицу, отгеснил к туалету, который был недалеко. Когда бык вплотную прижал его к туалету, Димка сумел нашарить сзади себя вертушку, изловчился и, приоткрыв дверь туалета, шмыгнул внутрь.

Он думал, что опасность миновала, но не тут – то было. Бык припер дверь туалета рогами и не думал уходить. Постояв неподвижно в тесном убежище, Димка начал мерзнуть. Мороз, казалось, стал сильнее. Разгоряченное игрой на горке тело быстро остывало, от неподвижного состояния стали мерзнуть ноги, руки, лицо. Мороз забирался уже под куртку, охлаждал спину, чтобы не замерзнуть совсем, он начал приплясывать сначала помаленьку, потом все быстрее.

Несколько раз принимался плясать вприсядку, выделявая такие коленца, что и сам дивился в ритме ламбады. Танец этот ему нравился, но из – за своей стеснительности на людях, Димке его не приходилось танцевать. А тут мороз заставил много раз повторять одни и те же движения.

Казалось конца, не будет этой ночи, а быку хоть бы что, стоит себе, переминаясь с ноги на ногу, как и прежде, приперев дверь рогами. Похоже, что и уходить не собирается.

Так и метался Димка в туалете, как зверь в клетке. Часа, наверное, два тешился, сердечный, пока, наконец, не почувствовал, что бычьи шаги стали удаляться в сторону дома. Но путь к дому был по – прежнему отрезан, и Димка пулей стеганул в баню. В тепле его сначала стало трясти, замерзшие губы еле шевелились, нос покраснел, пальцы рук не гнулись. А под глазом, где вечером клюнул петух, появился синяк.

В это время отец, обеспокоенный долгим отсутствием сына, вышел на улицу, увидел быка и свет в бане. Быка загнал на место, зашел в баню, глянул на Димку – и у него на мгновение отвисла челюсть, он хотел что – то сказать, но не смог, только хватал воздух ртом. Димка

стоял перед ним трясущимся, посиневший и с синяком под глазом. Выйдя из состояния шока, отец закричал: «Что с тобой?» «Б – б – бык», - только и мог промямлить Димка замерзшими губами. В голове отца промелькнула нехорошая догадка – он схватил ремень, подмял под себя Димку, сдернул с него штаны и начал охаживать, приговаривая: «Вот тебе, вот. Я в твои годы пробки не нюхал, а ты, стервец, что вытворяешь?!»

Димка, ревя от обиды, несправедливости и боли, вырвался без штанов из бани и забежал домой, напугав своим видом мать. «Господи, дожили, что и у нас раздевать стали», - вымолвила она, всплеснув руками.

Долго еще выяснялись обстоятельства приключения. И когда он лег спать, то всю ночь ему снились страшные сны: то чудовище гналось, чтобы съесть его, то черт с рогами заглядывал в окошко спальни и хитро подмигивал.

Проснувшись, он почувствовал запах курятины, вспомнил свои приключения, встал и подошел к зеркалу. Фонарь под глазом светил по-праздничному.

Раиса Порвина, п. Першино

В ней есть душа, в ней есть свобода

Утро! О как оно прекрасно! Ведь именно с утра начинается каждый новый день, новые мысли, новые дела, новые впечатления о так полюбившейся и ставшей мне уже родной и близкой природе родного края.

Утро на Уватской земле начинается с ярко светящегося солнца, которое резво золотистыми лучами пробуждает всё на своём пути. Частичку этого сияния переманивают на себя густые уватские леса, притаившие в себе богатые запасы грибов и ягод.

Природа нашего края необычайно красива в любое время года: осенью - это необъятные горизонты из листвы деревьев, окрашенные всеми оттенками красной и жёлтой палитры цветов, зимой - это сон-

ное царство берёз, покрытых инеем, которое весной оживает и наполняется новыми красками, а летом - это крики диких животных и песни птиц, которые дополняют красоту данных мест. От одной мысли, о том, что живёшь в объятьях такой красоты, срывает голову. Хочется вдохнуть и выдохнуть этот ароматный воздух, наполненный свежестью лугов, покрытых утренней росой и благоуханием длинноствольных деревьев, уходящих далеко в высь.

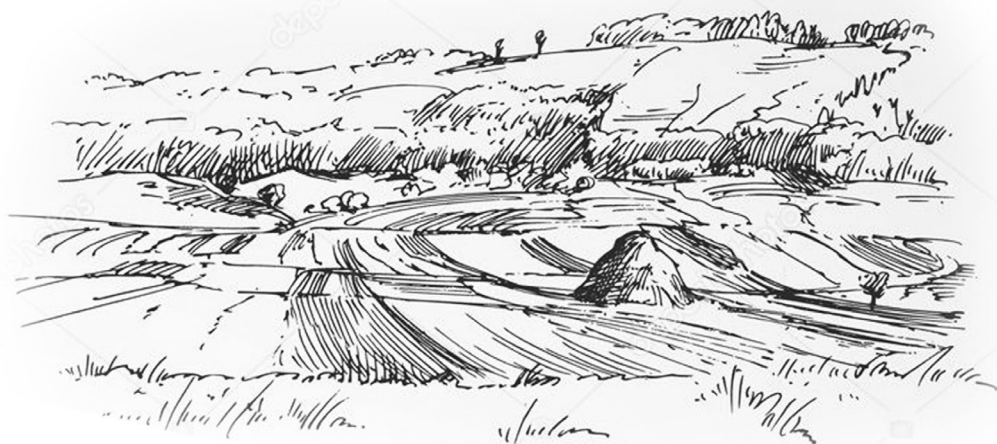
Река Иртыш – рай для рыбаков со всех уголков Тюменской области. Рыбалка в этих местах хороша в любое время года, но особенно хороша она весной, когда после долгой зимней спячки Иртыш просыпается, выходит из берегов, заливая луга и обрезаая сора, кишасщие разнообразной рыбой.

Частичку сердца каждого туриста, посетившего наши края, занимает «Падальный мыс», вступив на край которого, можно понаблюдать за тем, как кипит жизнь в самом сердце сибирских лесов: там, где-то вддали, играет медвежонок Миша со своей мамой медведицей, а немного левее резвятся зайцы на лужайке. Солнце, выпуская свои последние лучи, отражает их на устье реки, образуя те невероятные пейзажи, за которыми издали наблюдает фотограф, притаившийся за могучей кроной белоствольных берёз. Но как только солнце скрывается за горизонтом, наступает молчаливая ночь, молчание которой нарушают лишь звуки гитары остановившихся здесь туристов.

О природе Уватского района написано немало рассказов, стихотворений и даже песен, потому что о её красоте можно говорить, не умолкая. И хочется верить, что всё это великолепие, смогут лицезреть и наши потомки.

Даниил Оборовский, с. Осинник

Полна природа озаренья

Мой милый край. Уватская земля!

Везде чудесно, где б ты ни был,
Но дома на душе покой
и галки вальс танцуют в небе,
танцуют вальс над головой.
А воздух чистым перламутром
Наполнит легкие мои,
И ветер шепчет: «С добрым утром»,
Целуя щеки в знак любви.
И до того мне здесь привольно,
Кругом простор и красота
Куда ни глянь, зеленое раздолье
И неба голубая чистота.
Мой милый край, сторонушка родная,
До слёз люблю тебя,
И ни на что не променяю,
Тебя, моя Уватская земля.
Твои снега, трескучие морозы,
Осенний яркий листопад,
И белоствольные березы,
Что нежной зеленью шумят.
Игривые раскаты грома
И пенье птиц, и крики журавля.
Я здесь живу, я счастлива, я дома.
С тобою я слилась земля моя.

Валентина Баглаева, с. Красный Яр

Весна идет

Очнулся лес от стужи и мороза,
Страхнув с себя остатки зимних снов,
И в белых платяницах стоят берёзы,
Словно невесты в ожиданье женихов.

Златой луч солнца смотрит с поднебесья,
И звон капли заиграл октавой нот,
И залихватский птичий хор заводит песню,
«Весна идет, весна идет!»

И вторят ручейки, весны посланцы,
Подснежник на проталинке цветет
И тихо шепчет озорливый, теплый ветер
«Весна идет, весна идет...»

Тамара Игнатьева, п. Демьянка

Весна

Тихий вечер на реке звёзды рассыпает,
Нежно-нежно вдалеке чья-то песня тает.
Спит у берега паром, ива дремлет стоя...
Хорошо, когда кругом всё своё, родное.

Весна во всём, весна везде, со всех высот и кочек.
Весна на суше, на воде и в воздухе грохочет.
Ещё мороз, ещё снега, как сны непроходимы,
Но лес окрасил берега уже зелёным дымом.

Вспыхнула снова заря золотая, веет душистой весной.
Белый пух с осины слетая кружится вновь надо мной.
И в ясную даль наши думы стремятся,

Песенный звон разливает весна.
Доброе утро, земляки-уватцы!
Доброе утро, родная страна!

Зинаида Сомскова, ст. Юность-Комсомольская

Отзимок

Зима не хочет уходить,
Хотя весна ее толкает.
Зима уперлась и стоит
И снова снегом засыпает.

Уже растаял, было, снег,
Вода, как море затопила
Подполье, ямы и кювет
И, вдруг, зима опять вступила.

Промерзли лужи, как зимой,
Холодный ветер бьет в окошко
Не видно птицы ни одной,
Позлись, зима, еще немножко.

Раиса Порвина, п. Першино

Май

Звенит весна дискантовой струной,
Несутся кони алого восхода,
Сверкает небо голубое надо мной,
Бежит волна за белым паромом,

Трепещут листья зеленью ветвей,
Взметнулись ввысь елей и кедра шпиди,

Кружатся стаи гордых лебедей
Над гладью вод озёрного разлива.

Ликует май в воспрянувших лесах,
Цветёт шиповник-дух Боготворенья
И ждешь от жизни радости тепла,
Благодаришь её за чудное мгновенье.

Александр Минин, с. Уват

Сенокос

Июльским утром сладко пахнет.
Рядами ровными лежит покос.
Косарь, уставший потом пахнет,
Работает, как будто на износ.
Но что поделать, надо торопиться
Пока погоду Бог даёт.
Попьёт колодезной водицы
И вновь траву косить идёт.
Протрёт косу пучком травы зелёной,
Смахнёт со лба обильный пот,
Опять хлебнёт воды студёной,
Глаза, прищуришь, глянет в небосвод.
А мелкий гнус, слепни и мошка,
Как подлый враг, всё норовят мешать.
Но все же, как вкусна крошка.
Что приготовила в покос родная мать.

Владимир Гусейнов, п. Туртас

Осень

Ветер раздевает
Под окном рябину,
Осень наступает,
Дует лету в спину.
Лето пролетело,
Как и не бывало.
Небо почернело,
Солнышка не стало.
Гуси пролетают
Клином говорливым,
Листья укрывают
Землю днем дождливым.

Раиса Порвина, п. Першино

Зимняя прогулка

Тихий, молчаливый лес зимою,
В снежных шубках елочки стоят,
И березы стылою порою
Сбившись в кучку, на меня глядят.

Что, подружки, ведь зима не лето,
А идет всего еще январь,
Так морозно, вы полураздеты,
Может, снегу подвалит февраль?

Мерзнут ваши ветви, леденеют,
Кровь застыла до весенних дней,
Но гирлянды снежные свисают
Самых тонких кружев красивей.

Вон пенек, ему совсем не страшно
Ни мороза, никакой пурги,
Он укрылся с головой прекрасно
И считает до весны деньки.

А мороз крещенский все лютует,
Холодно и белки не видать,
Спряталась в дупло, не вылезает,
Но орешков нет, успела взять.

Снова положу их на пенечек,
Разгребаю снег и стол готов,
Я приду сюда через денечек,
Чтоб увидеть вас, березки вновь.

И в мороз вы, модницы, красивы,
Той сибирской, нежной красотой,
В инее стойте горделивы
Привлекая милой простотой.

Но, быть может, вы в июльский полдень
Задыхаясь в жаркой духоте,
Вспомните холодный зимний месяц
И снежок, блестящий при луне.

Раиса Порвина, п. Першино

Вьюга

Закружила метель, заиграла вдруг вьюга,
Словно скрипку она в свои руки взяла.
И скрипучая нота фальшиво завывла,
А за нею смычком подыграла пурга.

От такой кутерьмы бела света не видно.
Зыбкой гладью позёмка на землю легла.
Небо, кажется мне, даже мрачно померкло
И вдруг в вальсе ночном закружила пурга.

Через хмурые тучи луна промелькнула,
Ветер гонит их с силой, его не унять.
Недовольно в лесу сосна заскрипела.
Всё смешалось вокруг, ничего не понять.

Всё несётся, кружится под скрежет той скрипки,
Словно вьюга хохочет в каком-то бреду.
Даже звери попрятались в страхе в укрытии,
Никого не видать уж в дремучем лесу.

Бушевала метель, выла злющая вьюга,
До утра не смолкала ночная пурга.
Лишь под утро вдруг резко ненастье утихло,
Над заснеженным лесом пронеслась тишина.

И как будто природа в мгновенье очнулась.
От кошмарной той ночи вздохнула она.
Даже солнце, казалось, на миг улыбнулось,
Словно в сказке сверкают под снегом леса!

Светлана Косенцева, с. Ивановка

Береза

Уж много лет стоит береза,
Что у дороги над водой.
Не раз ее трепали грозы,
Свистели ветры над листвою.

Ее безжалостно рубили,
Чтобы напиться по весне.
Под ней прохладу находили
И целовались при луне.
Она поникла над водою,
Белеет ствол из далека.
И лишь в разлив ее весною
Ласкает волнами река.

Раиса Порвина, п. Першино

Калина

Такая скучная картина:
Дождь моросит и нет тепла.
Моя любимая калина
Всё же в июне зацвела.

Стекает дождь с листочков пыльных,
Колышет ветки у куста,
Букет цветов его душистых,
Как неземная красота.

Хотя калина - не малина,
Рассудит осень нас с тобой:
Моя любимая калина
Предстанет всей своей красотой.

Уходит лето не прощаясь,
Не за горами холода,
Калина соком наливаясь
Краснеет к осени всегда.

Она еще красивей стала,
Когда начался листопад:
Эта «дурнушка» не простая
Нам дарит грозди целый клад.

Облетают листья желтые,
Калина сбросила шелка,
Кисти ягод ярко-красные
Манят к себе издалека.

Раиса Порвина, п. Першино

Люблю восход

Я по селу иду ранёхонько, чуть свет,
Спокойно, тихо так! И через миг - рассвет...
Восхода солнца тихо ожидаю,
И затаив дыханье, жадно наблюдаю,
Как из-за леса солнце выплывает,
Вот первый луг - и вся природа оживает!
Душа поёт, и сердце сладко поет,
Как будто в первый раз заметила такое!
О сколько б я не видела восходов,
Рассветов, да любое время года,
Душа ликует, все её натянуты струны.
Так хочется мне жить и оставаться юной
В возрасте любом!
Быть чище и добрей,
Любить природу, родину, людей!

Галина Пузина, с. Демьянское

Разговор о счастье...

Разговор о счастье

Тёплый ветер окутал меня.
Почему я сегодня грущу?
Потому что, наверно, вчера
Ты сказал мне: «Тебя не прощу!»

И на сердце такая тоска,
Всё сжимается сильно внутри.
И сегодня хожу я одна
И болит очень сильно внутри.

Ветер, раны мои исцели,
Закрути меня в вихре своём.
Ты сердечного друга верни
С ним хочу остаться вдвоём.

И скажу ему, что люблю
Лишь его одного, навсегда.
Без него не могу, не могу
И прожить теперь я ни дня!

Татьяна Вохмина, с. Ивановка

Не предсказуем словно дождь

Не предсказуем словно дождь.
Не знаю вновь когда придёшь.
Вчера был быстрый проходящий.
Холодный и не морозящий.
Сегодня тёплый, ласковый такой.
Кусочек лета он принёс с собой.
А иногда бывает и гроза.

И тучи закрывают небеса.
Становятся вдруг, черными глаза.
Они как молнии сверкают.
И точно в сердце попадают.
Бывает обвиняешь, не о чём.
Случилось, что не так.
А я причём?
Плохого не желала, не хотела.
Держать не собиралась и не смела.
А может просто даже не умела.
Ловлю в ладони капли, дождь.
Напрасно жду, когда придёшь.
Не страшно мне от этих перемен.
Другого не прошу взамен.
Холодный, теплый, но родной!
А зонтик, он всегда со мной.

Валентина Барнышева, с. Уват

Рябиновая любовь

У калитки куст рябины
Ветерок качает.
Мне сегодня, мой любимый
Встречу назначает.
Сердце трепетно забилося,
Как в былые времена
И от счастья закружилась,
Закружилась голова.
Серебром вески усыпаны
Перед зеркалом верчусь.
Я всего за две минуточки.
К тебе милый соберусь.

Пусть не стройною берёзкой,
А рябиною в саду,
Я к тебе с любовью поздней.
На свидание приду.
Красной ягодой рябины.
Я тебя заморозю,
Про любовь, мой милый,
Под рябиной расскажу

Валентина Баглаева, с. Красный Яр

Разговор о счастье

Как просто жили мы с тобой:
Романов бурных не крутили,
Красивых слов не говорили,
Не целовались под луной...

И только в малом и большом
Оберегали мы друг друга.
А если нам, бывало, туго,
Мы знали- в мире мы вдвоём.

И все заботы, все невзгоды,
Вся жизнь- как чаша-пополам.
Дай Бог прожить вот так же нам
И все оставшиеся годы.

Когда придёт пора расстаться-
Разлучит нас старуха смерть-
Нет, не боюсь я умереть...
Мне страшно без тебя остаться.

Татьяна Костромина, п. Демьянка

Я в этот мир пришла с любовью,
Чтоб посмотреть, как он красив.
Поговорить весной с ветлою
и веточку на Пасху попросить.

По лесу побродить грибному
И тайну разузнать у муравья,
Куда он так спешит, по чьему зову,
Быть может он возьмёт с собой меня.

В подружки напроситься к ветру
И пошептаться с ним - так не о чем.
И если разрешит, присесть на тучку
И солнце поддержать своим плечом.

Спросить у Бога разрешения
И всё расставить по местам,
Чтоб не было недоразуменья
Ни в чувствах, ни в делах, ни в мыслях тайных,
Чтоб каждому досталось по желанью,
По просьбе праведной, заслугам и мечтам.

Екатерина Михайлова, с. Горнослинкино

Всё сгнуло, пропало,
И я теперь «одна».
Тебя я потеряла,
Мечта с тобой ушла.

Весной не пахнет утро,
А ночка стужей дышит.
Как плохо мне порою,
Но он меня не слышит.

Я верю бьётся сердце,
И у него порою.
Свою печаль и горечь,
Нет, не смогу, не скрою.

И верю, что наступит
Прекрасная пора,
Мы будем вместе, рядом
С тобою до утра

Надежда Новикова, с. Новый Уват

Река любви

У реки под названьем Иртыш
Мы с тобой повстречались однажды.
Ты сказала, что очень спешишь,
У тебя разговор с кем-то важный.

Мне казалось, что все ерунда
Ведь девчонок других очень много.
Но как видно ошибся тогда,
Ведь любовь не простая дорога.

А она, будто солнце во тьме
Проникает и в сердце, и в душу,
Не напрасно так кажется мне -
Бурных чувств невозможно нарушить.

Каждый день у реки ожидаю
Ту, что встретил всего лишь на миг.
Мой приятель Иртыш мне кивает:
- Что, безумно влюбился, «старик»?

У реки под названием Иртыш
Мы с тобой повстречались однажды.
Ах, Иртыш, ну куда ты спешишь?
Ну, спеши, теперь это не важно.

Владимир Гусейнов, п. Туртас

Весна, женщина, любовь

Вот-вот весна нам улыбнётся,
Заставив зиму плакать и тужить,
И ярким чувством в сердце отзовется,
Чтоб расцвести и долго жить.

А с нежным трепетом мгновенья,
Которое понятней всяких слов,
Приходит неземное наслажденье,
Так называем мы лю-бо-вь!

О, женщина! Тебя благословляю!
Готов делиться радостью сполна.
Печали, горести твои хочу испить до дна я,
Чтоб счастье и любовь не покидали нас!

Владимир Гусейнов, п. Туртас

Удача

Да! Удача-капризная штука,
У фортуны изменчивый лик.
То уронит на землю со стуком,
То поднимет на крыльях за миг.

Да! Бывают от славы напасти,
Выжигает лучами чело.
Разрывается сердце на части,
Вытрезвляет похмельное зло.

Да! От гонки за призраком этим
Мы теряем и разум порой,
Только есть и лекарство на свете-
Это мудрости зрелый покой.

Александр Минин, с. Уват

Весна надежд

Дыхание весны окутало моё всё тело.
Проникло в глубь моей тоскующей души.
И сердце нежной лаской обогрело,
И вырвало из крепости безмолвной пустоты.

Весна! Начало новой жизни! Озаренье,
Что жизнь не просто нам была дана.
И что у каждого своё предназначение
И крест нести свой надо до конца.

Весна! Пора любви, желаний и надежды,
Что чудо вдруг вот-вот произойдёт
И счастье тёплым ветром дуновенья
Лаская душу, в жизнь мою войдёт.

И все тревоги, глупые сомненья, печаль,
Что жизнь порой была пуста
Растают в утреннем рассвете.
И заберёт с собой весенняя вода.

Светлана Косенцева, с. Ивановка

Я совсем большой!

Появилось в мире маленькое чудо,
Маленькое чудо, словно неоткуда.
Ведь совсем недавно мама говорила:
«В магазин ходила, а братика купить забыла».
Маленькое чудо глазки открывает,
Маленькое чудо мама обнимает.
Маленькому братцу что-то напевает,
А меня, как будто, и не замечает.

Подошёл я к маме, взял за локоток
Мама мне сказала: «Подожди, сынок.
Видишь Саша плачет, надо пеленать»
А мне хотелось очень мамочку обнять.

Отошёл я тихо, горе не унять,
Только бы при маме мне не зарыдать.
Взял я в руки мишку, тихо сел в углу
Раз меня не любят, я тогда уйду!

Пусть потом поишут,
Пусть тогда поймут,
Где ещё такого
Мальчика найдут.

Скрипнув половицей, мамочка вошла
И меня за плечи крепко обняла:
«Милый мой сыночек, ты меня прости,
Просто я устала, больше не грусти.

Подожди немного, братик подрастёт
И своими ножками он тогда пойдёт.
Будешь ты с братишкой на улице гулять,
Будете вы вместе в песочнице играть.

А пока сыночек немного потерпи
Мне водиться с братом лучше помоги.
Ты ведь мой помощник, ты совсем большой
Ну иди скорее, посиди, со мной».

Мне сказала мама, что я совсем большой!
Что ж, мне не пристало водиться с малышкой.
Я теперь, как взрослый буду помогать,
И в свои игрушки иногда играть.

Светлана Косенцева, с. Ивановка

Вербное воскресенье

Отшумели метели,
Наступила весна.
От весенней капли
Оживилась земля.

Через призму сверкают
Ярких красок огни.
Мир вокруг оживает
от весенней красоты.

В это время на небе
Открывают врата,
Бог нам весточку с вербой
Шлёт всем сердцем любя.

Ну, а мы в светлый праздник
В церковь с ветвью идём.
И с молитвой смиренной
Пред иконой встаём.

Мы пред Богом как дети
Открываем сердца,
От его благодати
Чище станет душа.

Со слезами мы просим,
Преклоняя чело:
Боже, Боже! Прости нас!
Защити от всего!

Светлана Косенцева, с. Ивановка

Одиноко

Мне сегодня что-то грустно,
Сердце рвёт струну.
Снег за окнами капустой
Хрустнет в тишину.
Обмороженные пальцы
По стеклу скользят,
Над дорогою распался
Звездный листопад.
Колея в сугробе тонет,
Пропадает след.
Не по мне ли месяц стонет,
Плачет жёлтый свет.
Расплещи в небесной луже,
Месяц, расплещи –
Утопи ночную стужу
Из моей души.
Не берёт весельем водка,
Не сласти еда.
На опушке воют волки,
Нынче – холода.

До рассвета долго-долго
Будет сердце ныть
Одиноко. Только волки
Продолжают выть.

Александр Минин, с. Уват

А на сердце печаль и обида,
А на сердце боль и тоска.
Я страдаю по мне это видно,
И блестит седина у виска.

Мне бы сил и здоровья побольше,
Мне б внимания и отдохнуть.
Тогда хватит меня и на дольше,
Много я с могу провернуть.

Но не ценят меня, не жалеют,
И от бед не берегут.
Вот не будет меня, пожалеют,
То, что я уже там, а не тут.

А судьба всё даёт испытание,
Всё безденежье да переезд.
Рядом грубое это создание,
Без души, без любви, сострадания...

Ах, как хочется мне встрепенуться,
Приподняться, взлететь и запеть.
И на грешную Землю вернуться,
Чтобы жить, а не терпеть.

Надежда Новикова, с. Новый Уват

Заблудшим

Тебе осталось жить совсем немного,
Тебе осталось жить совсем чуть-чуть.
Зачем же, парень, ты пошёл не той дорогой,
Ну кто тебя просил, туда свернуть...
Теперь ты понял, что такое солнце,
Теперь ты знаешь, что такое жизнь!
Но спохватился поздно, очень поздно!
И ничего нельзя уж изменить...
Ты был красив, здоров, тебя любили!
Но это всё, ты променял на героин...
Настал тупик. Тупик!? Тебя ж убили...
В объятиях «чумы» остался ты один.
Не покупайте смерть свою и муки,
И не ломайте вы судьбу себе!
Ведь ничего прекрасней в мире нету,
Чем – жить, любить и быть любимым на земле!

Любовь Букаринова, д. Солянка

Прошу Вас, уважайте пожилых

Бегут в галоп неумолимо годы,
Все чаще смотрите на солнечный закат,
Но ваша память сохранила все, что было
За много лет, жаль не вернуть года назад.
Жаль и не жаль, что было, все промчалось,
Теперь хоть волком вой, здоровье не вернешь.
Оно в далеких тех годах осталось
В снегах замерзло – расколосось, не найдешь.
Вам, милые, досталась, тяжка доля-
Косить, пахать, валить, пилить, рубить.
Спасибо вам за труд тяжелый, дорогие,

И дай вам бог здоровья и подольше жить!
Вы не ходили в модных джинсах, модных платьях
Зато, вы то умеете, что не умеем мы.
Прошу Вас люди, уважайте старых
С годами не поспоришь, здесь мы все равны.
Никому не спрятаться под маски от морщинок,
На свете не бывает вечно молодых!
Прошу Вас, не смотрите старым в след с ухмылкой,
Я умоляю, люди, берегите пожилых.

Любовь Букаринова, д. Солянка

Бродит по свету чья-то судьба.
В души стучится: «Я не твоя?»
Хватает за сердце, смотрит в глаза
Ищет – кому бы свой путь подсказать.

Не торопись отводить хмурый взгляд,
Из прошлого нет дороги назад.
Получится так, что мимо пройдешь
И счастье своё никогда не найдешь.

Бывает в жизни – ошибку кляня
Зайдут в чужой дом, от судьбы уходя.
Так и живут у пустого огня,
Который не греет, лишь светит томя.

Под крышей одной, не тот и не та.
И рядом живут, а вокруг пустота.
Забрали, не думая чью-то судьбу,
Свою упустив, проглядев на бегу.

Екатерина Михайлова, с. Горнослинкино

Работникам Лесхоза

Наш мэтр седой, хоть нынче лысый,
С фигурой сильного борца-
Ушёл на пенсию лесничий,
Отмерив службу до конца.

Шварёв, по-прежнему на радость
Розовощёк, умом блеснит,
И Минин старший где-то рядом
Поэмы глупые строчит.

Гремит гараж, снимают кров,
И лбы нахмурены в заботе.
Там, где Папсуев, Самолов,
Кипит отчаянно работа.

Визжит на тракторе лебёдка,
Тальков в поту, в накале весь,
Вздыбив «коня», ведёт трелёвку,
На шпалорезку нужен лес.

Всегда начищенный до блеска,
В резине новой и в чехлах,
Стоит Уазик в перелеске
И дядя Фёдор на часах.

Уж точковать так точковать,
Антонов с Мининым при деле
И с потолка берут в тетрадь
Косые циферки умело.

Захаров, Мальцев и Чукомин
Всегда на страже с топором,
А там и Ромашев, Климович

Сидят в засаде под кустом.
У Кузминых серьёзней служба
Зажал туртасцев в кулаки,
Мигурка с Першиным не тужат
Ребята ох, не дураки.

А на отшибе, как сосёнки,
Сидят Уки и Горначи,
Жрут осетров под побасёнки
И охраняют кедрачи.

В Демьянске центр «нефтеопасный»,
Лесничий - молодых кровей,
Так пожелаем беспристрастно
Крутить нефтяников смелей.

Ну как не вспомнить про техничку,
Кто исправляет кавардак.
У Малышевской всюду чисто,
У Малышевской только так.

А сторожа - крутые хлопцы,
Без пропуска сюда ни-ни,
В энцефалитках ходят плотных,
Как спецотряды из Чечни.

А вдоль забора носик вскинув,
Да по тропинке из села,
Идёт финансова Богиня
Всегда нарядна и мила.

А у неё помощник новый
Экономист из-за реки,
Ужо гляди, согнут в подкову,
Две бухгалтерские руки.

А вот полковник высоченный
Топорща ёжиком усы,
От нас всех требует почтения,
И чтоб работали бесы.

А от работы кони дохнут,
А мы знать твёрже кирпича,
Когда на грудь, отважно охнув
Примаем литру первача.

Александр Минин, с. Уват

Лучший в мире Шарик

На дворовой детской площадке было непривычно тихо. Детей было мало. Двое шестилетних мальчишек по очереди крутили карусель. У небольшой кучи песка сосредоточенный серьёзный карапуз лет четырёх рыл своей пластмассовой лопаткой норку, пытаясь поселить в неё большеголового пупсика. Не получалось. Пупсик был слишком большой, норка слишком мелкая.

Возле невысокого полуметрового металлического забора, окружающего детскую площадку и окрашенного в зелёный цвет, лежал симпатичный дворовый пёс. Это был известный всему детскому окружению добрый, беззлобный и ласковый дворняжка по имени Шарик. Своей разноцветной бело-рыжей раскраской, разными по цвету ушами, доверчиво круглыми наивными глазами, он снискал особое уважение и авторитет у местной детворы. Его симпатичная мордашка покоилась на вытянутых передних лапах, а прищуренные глаза создавали впечатление дремлющего пса.

Однако дворняжка и не думал дремать. Он едва заметно поглядывал в сторону подъезда двухэтажного дома напротив. Шарик пребывал в нетерпеливом ожидании. Предметом его ожидания яв-

лялась девочка - красивая и всегда внимательная к нему, которую и мама, и бабушка её звали Линуся.

В человеческих тонкостях Шарик был не силен, однако ему нравилась не только сама девочка, но и её необычное имя. Ей было около пяти лет, она очень нежно и заботливо относилась к дворняжке, всегда приносила ему что-то вкусненькое. А когда Шарик с удовольствием уплетал приносимое, Линуся своими тонкими нежными пальчиками легонько поглаживала разношёрстного четвероногого друга и, почёсывая за ушками, ласково приговаривала: «Кушай, кушай, мой любимый Шарик, я тебе ещё принесу». Шарик таял от удовольствия, и вовсе не от поглощения вкусности, сколько от близкого присутствия маленького человечка, которого он любил всей своей собачьей душой. Радость и преданность этому милому и благородному созданию он выражал по-особому, по-собачьи: сладким поскуливанием и довольным посапыванием, не забывая при этом с благодарностью заглядывать в глаза и только изредка, будучи воспитанным в строгом собачьем духе, мог позволить себе лизнуть своим шершавым языком нежные пальчики ребёнка.

В глубине подъезда раздался стук входной двери, и уши дворняги настороженно взмыли вверх. Шарик испытал внутреннее собачье волнение. Он почувствовал приближение своей заветной мечты, от сладости которой у него легонько защемило сердце. «Сейчас, сейчас,- шептал про себя Шарик,- она появится, я её увижу. И вовсе мне не надо никакого угощения, меня сегодня уже кормила тётя Ирина. Лишь бы вышла Линуся и погладила меня своими нежными ручками». Из подъезда послышался голос мамы Линуси: «Ты далеко не уходи, мы с тобой скоро пойдём в гости». Шарик не слушал разговор взрослой женщины: он был поглощён ожиданием.

И вот наконец-то Линуся вышла на улицу. В ярком розовом платье, с двумя белыми бантами на голове, на ножках нарядные туфельки. Вся такая необычно лёгкая и красивая. Шарик резко вскочил на все четыре лапы и в изумлении уставился своими круглыми глазами на это чудо, которое он с нетерпением дожидался. Линуся

неторопливой и важной походкой прошла по асфальтовой дорожке, не обращая внимания ни на ребят, резвившихся на площадке, ни на ожидающего её в волнении Шарика. В руках у неё, на длинной цветной ленте с небольшой петлёй на конце, колыхался какой-то огромный ярко-голубой круглый предмет. Он скалился на Шарика своим блестящим окрасом, как-будто бы издеваясь над несчастным, обиженным дворнягой. Шарик, униженный и подавленный, сглотнул набежавшие слёзы, вздохнув глубоко и безнадежно... «Разве люди могут понять собачью преданность и верность. Они нас считают глупыми и бестолковыми» - думал про себя Шарик, все более и более предаваясь переживаниям. «Им нет до нас никакого дела», - решил окончательно дворняга и, потупившись, пошёл прочь от площадки.

Вдруг громкий истошный детский крик, без сомнения принадлежавший Линусе, заставил Шарика остановиться и повернуть голову в сторону доносившегося голоса. Девочка в розовом платьице и белыми бантами лежала на асфальтовой дорожке («Споткнулась, наверное, и упала»,- мелькнула в собачьей голове версия) и плачущим голосом взывала: «Шарик, мой любимый, Шарик, погоди, не убегай!». От этих слов у дворняги сердце едва не остановилось. «Я ей нужен, нужен, она зовёт меня!», - твердил про себя Шарик. И забыв про все обиды, не чувствуя под собой лап, что было сил рванул на этот зов.

Подбежав к девочке, Шарик увидел, что она на самом деле упала, растянувшись на дорожке и размазывая от боли, бежавшие по лицу слёзы, показывала на круглый сверкающий предмет, который подхваченный ветром катился по улочке, подпрыгивая и подлетая, удаляясь всё дальше и дальше. При этом девочка всё громче и громче кричала: «Шарик, любимый, ты куда? Шарик, не убегай!»

Поняв, наконец, кому адресовались эти ласковые просящие фразы, дворняга чуть не задохнулся от собачьей ревности: «Ага, вот кого она звала. Оказывается, этот предмет, который от неё убежал, тоже звался Шариком...». И новый всплеск ревности охватил собачье сердце.

Но жалость и благородство Шарика пересилили обиду. Он своей благодарностью и верностью должен помочь девочке.

Поглядев ещё раз на удаляющийся круглый предмет («ну, не

хочется мне его называть таким же как у меня именем», - подумал Шарик) и припустил за ним вдогонку. Яркий круглый предмет в очередной раз подпрыгнул, подхваченный свознячком, и залетел на деревце в палисаднике крайнего двухэтажного дома. Шарик подбежал к повисшему голубому кругляшку и увидел болтающуюся на ветру ленточку с петлёй. Он попытался ухватить петлю зубами - не получилось. Потом ещё и ещё несколько раз пробовал дворняга ухватить ленту - безрезультатно. Обозлившись, Шарик решил изменить тактику. Он подпрыгнул, как ему казалось, очень высоко, ухватившись когтями левой лапы за забор палисадника, а правой лапой схватил, наконец, петлю банта и всем весом потянул за собой. Голубой предмет оказался в надёжных собачьих лапах. Перехватив ленту с петлёй зубами, Шарик не спеша направился к девочке, которая всё ещё вытирала слёзы и отряхивала своё нарядное платьице.

Увидев подошедшего к ней четвероногого друга, она нежно обняла его голову и прижала к себе. Не обращая внимания на скалящийся голубой предмет, пытающийся снова куда-то убежать или улететь, Линуся тихо прошептала на ухо верному другу: «Ты самый лучший в мире Шарик! Я тебя очень люблю и ни на кого не променяю!».

Шарик с восхищением смотрел на свою Линусю. Ему хотелось порадоваться вместе с ней и улыбнуться. Но он боялся выпустить изо рта своего тёзку - воздушного шарика, которого он крепко держал за петлю зубами.

Владимир Гусейнов, п. Туртас

Бесстрашный Рыжик

В нашем поселковом дворе все люди хорошо знают друг друга не только в лицо, но и их положительные и отрицательные черты характера. Знают их способности, трудолюбие и талант. К примеру, Маша С., Диана К., в школе отличницы, дома помощницы родителям по хозяйству. Поведение примерное. Или Лена Б. - учится хорошо, спортсменка, всегда придёт на помощь. Словом, о многих моих свер-

стниках можно говорить долго и охотно. Но есть отдельные ребята, которые прямо скажем, зарекомендовали себя не совсем с положительной стороны.

Мой дружок Вовка Н. один из таких отрицательных пацанов. Сколько мы ему не говорили, сколько не проводили воспитательных бесед с ним, он и ухом не вёл. Оставался таким же равнодушным к замечаниям своих одноклассников и ко мне, своему лучшему другу, Сашке Е.

А дело, собственно, в том, чтобы вам были понятны причины такого Вовкиного безобразного поведения, это его лютая ненависть, можно сказать, садистское отношение к животным. Особенно к кошкам. Независимо от возраста и расцветки. Он их всех обижал и гонял.

О взаимоотношениях между Вовкой и кошками было известно во дворе и детям и взрослым. Было известно это и кошкам, которые только при одном появлении своего недруга, разбежались в разные стороны. Знала об этой неприязни и Вовкина мама Нина Ивановна, работающая с утра и до ночи в больнице, и на воспитание сына-семиклассника никак повлиять не могла, который воспитывался один, без отца. Но однажды произошло событие, которое заставило удивиться всех, живущих в нашем большом и дружном дворе.

В один из весенних будних дней мы с Вовкой возвращались со школы домой. До конца последней четверти оставалось чуть больше месяца. Погода стояла тёплая, светило весёлое и яркое солнце. Однако настроение у моего друга было прямо противоположное погоде. Он был мрачен и неразговорчив. На уроке математики он получил вторую двойку подряд, поэтому возникли большие проблемы с положительной оценкой в четверти, а может и за год. Вовкино плохое настроение искало выход. Вскоре он отыскался.

Возле асфальтированной дорожки, по которой мы брели с моим другом, сидел симпатичный рыжий котёнок и передними лапками катал какой-то круглый предмет, похожий на отполированную водой гальку. Вовка быстро приблизился к рыжему, встал возле него на четвереньки и громко, изображая злого пса, сначала злобно зарычал, а потом во весь голос залаял, подпрыгивая на месте. К общему удивлению, котёнок спокойно отреагировал на это нелепое перевоплоще-

ние человека в собаку. Он просто перестал катать гальку и медленно, повернув голову в сторону мнимого пса, лениво глянул на моего друга, и вдруг, громко зашипев, прыгнул, выставив передние лапки в его сторону. От неожиданности, а может от страха, Вовка откинулся назад и по инерции упал на спину. Котёнок перестал шипеть, посмотрел на поверженного противника и, подняв переднюю лапу, стал почёсывать ухо, делая круговые движения. На какое-то непродолжительное время повисла немая тишина. Подошедшая незаметно бабушка Галя усмехнулась: «Вот видишь, Вова, даже Рыжик по-своему показал, что у тебя не всё в порядке с головой», - сказала она и взяв симпатягу-котёнка на руки, направилась к дому. Мне очень хотелось смеяться, но увидев обескураженный и растерянно-нелепый вид своего друга, сдержав себя, проговорил: «Пойдём, Вовка, будем готовить уроки на завтра». И помогая всё ещё не пришедшему в себя неудачному шутнику подняться, повёл его домой.

С той поры в нашем дворе всё изменилось. Кошки почему-то от Вовки убежать перестали, а он сам животных уже не обижает. А вы догадываетесь, почему? Правильно, я тоже так думаю.

Ах да, кстати. У моего друга в школе всё нормально. Двойки он исправил, учится хорошо. Мы с ним записались в спортивную секцию. Недавно Вовка взял в библиотеке книгу «Домашние животные». У него лицо даже стало мягче и добрее.

Владимир Гусейнов, п. Туртас

Невыдуманный рассказ

Живя в деревне, да ещё у реки, мужики с раннего возраста, вскормлены рыбалкой да охотой. А сколько баек да рассказов можно от них услышать на досуге. Вот один такой хозяин-трудоголик, а главное заядлый рыбак поведал нам эту историю.

Дело было эдак лет пяток назад, в августе жара стояла, заработался я на покосе устал, а надо бы съездить фитилишки перетрясти,

может какая рыбина залезла, не помотришь пропадёт, вот и поехал поздненько, стемнело совсем, ну думаю луна полная нынче, выйдет я и проверю снасти свои. Лодчонка переметка у меня самодельная совсем небольшая, когда проверяю стою на днище на коленях, вот и тогда доехал до реки зацепился за веревку у кола с берега, гребу тихонько, перебираюсь, а луна то покажется то снова за тучи, а тишина в округе прям звенящая, да слышен в далеке крик птицы одинокой, но вот и до фитилишек добрался, сижу и вытаскиваю их в лодчонку, да перетрясаю от мха, да мусора, попавшие рыбки бросаю на днище лодчонки. Ну вот, кажется, последний фитиль славу богу, потянулся за ним и вдруг что-то тяжелое опустилось на мое плечо, придавило сначала, а потом вверх потянуло, весла-гребли упали на дно лодчонки, ноги, руки враз стали ватные, непослушные. Вся жизнь калейдоскопом промелькнула перед глазами.

За что? Где я нагрешил? Господи, прости за всё! Вроде и не грешил я шибко. А может инопланетяне прилетели. Да зачем я им такой, ведь я уж старый и больной весь. Не знаю, сколько я так сидел, руки ходуном ходят, по спине пот градом ну думаю придется повернуться посмотреть кто меня держит так крепко, я уж мысленно и с жизнью попрощался.

А тут на моё счастье и луна вышла и осветила всё кругом набрался я смелости повернулся и давай хохотать, а держал меня «топляк» если кто не знает, объясняю это дерево-утопленник, замытое песком и ходящее течением то уйдет под воду, то вынырнет на поверхность. Вот видимо, когда его вытолкнуло из воды, а я в это время наклонился в лодчонке вытаскивая фитиль тут топляк своим суком и зацепил мое плечо, а уйти обратно в воду не может, держится крепко за плечо.

Да, натерпелся я в тот раз, правильно говорят у страха глаза велики. Ну, а когда я рассказываю про это, всегда стоит такой хохот, только мне тогда было не до смеху.

Галина Пузина, с. Демьянское

Меня зовут Анна. Я работаю организатором праздников. Все мое время расписано по минутам, поэтому я не люблю тратить время в пустую. У меня есть странный сосед, по лестничной площадке, которого я встречаю каждый день, сидящего на скамейке. Наша встреча всегда проходит в 07:30, когда я выхожу из дома. Сама странность проявляется в том, что, когда я с ним здороваюсь, он никогда мне не отвечает. Конечно же, мне это неприятно и поэтому я решила не здороваться с ним вовсе.

Вот в очередной раз я выхожу из подъезда и вижу; на скамейке, сидит Владимир Николаевич. Мужчина лет сорока или сорока пяти, одет в светлый костюм, на ногах черные ботинки, а на голове шляпа. Рядом со скамейкой сидит бульдог. Честно говоря, хозяин и его собака чем-то друг на друга похожи.

«Здравствуйте, хорошая погода, не так ли?» - могла бы сказать я, но промолчала, когда прошла мимо скамейки.

Я села в автобус и через четыре остановки я на работе. Придя на работу, у меня появляется очень много дел. Сегодня я и моя группа работаем над подготовкой к свадьбе, которая занимает очень много времени и сил, ведь все хотят, чтобы его праздник был идеальным.

Все было бы хорошо, если бы не последние трудности, которые навалились на меня за последнее время. Первая из них – это то, что я поняла, какое на самом деле у моих подчинённых мнение обо мне. Это произошло в женском туалете. Две девушки, Марина и Оля, говорили про меня, что я очень строгая по отношению к ним и, что я полностью зациклена на времени. А как же не быть зависимым от времени, если у меня такая работа? Их обвинения очень сильно меня затронули, и как-то на протяжении полчаса я не могла сосредоточиться.

Второй проблемой стало то, что у меня начались проблемы со здоровьем, и во время обеда я сходила к врачу. Он сказал, что у меня повышенное давление, и что мне стоит побольше отдыхать и меньше волноваться. Конечно же, я выслушала его, но я не знаю, будут ли эти условия выполняться из-за моей работы.

И еще одна проблема «как вишенка на торте» оказалось то, что я и мой парень расстались на какое-то определенное время, поскольку как он сказал: «Ты слишком торопишься и постоянно «оглядываешься» на часы. Меня это беспокоит. И поэтому дай, пожалуйста, время, чтобы я подумал»

Собственно, вот прошел мой самый ужасный день.

На следующий день я даже не хотела, иди на работу, но есть слово «надо». Я опять встречаю своего соседа, вечно сидящего на скамейке со своей собакой в тоже самое время – 07:30. Но на этот раз я решила сесть рядом с ним, даже сама не знаю, почему я так сделала. Владимир сидел на одном конце скамейки, я на другом. Может поздороваться с ним – подумала я.

- Здравствуйте, Анна – вдруг произнес мужчина.

- Здравствуйте!

Я была очень удивлена тому, что он первым поздоровался.

- А?

- Что? Вы что-то хотели спросить?

- Да. А, почему вы раньше не здоровались со мной? – спросила я, не скрывая своего любопытства.

- Потому, что мои «здравствуйте» не были вам нужны или, может быть, я даже разозлил бы вас, ведь вы так торопились. Почему то, когда вы проходили, я чувствовал именно это, но сейчас вас что-то тревожит. Не так ли?

Голос этого мужчины показался мне приятным, он был похож на голос отца или дедушки, который всегда скажет какой-нибудь совет, который тебе поможет, а сами они выслушают и поймут тебя

- Вы что психолог? – усмехнулась я.

- Нет, я – писатель.

- Почему вы тогда сидите здесь, а не дома и не пишете? Я думала, что писатели – это люди, которые сидят дома и пишут книги.

- Хмм, у тебе очень интересное представление о писателях – сказал Владимир с улыбкой. - Да, я – писатель – журналист, я веду колонку в газете и пишу рассказы для детей. Писатель – это как ребенок, который исследует мир, он наблюдает за людьми, которые его окружают, а при написании книги он руководствуется наблюдения-

ми из реальной жизни или придумывает из своего внутреннего мира – воображения.

- А что вы поняли, когда наблюдали за мной?

- Что тебе нужна помощь, но для начала я хотел дать тебе совет.

- Какой?

- Перестань убегать и так судорожно следить за временем, оно все равно от тебя убежит – Лицо Владимира было серьезным, потом он улыбнулся и продолжил - Даже если ты лучший бегун, тебе не обогнать время, потому что время – это мировая чемпионка по бегу. Ты занималась легкой атлетикой? – повернулся он ко мне.

- Нет – я посмеялась.

- Ну, вот наконец-то ты улыбнулась. Сядь сюда поближе и расскажи, что тебя тревожит.

Мужчина посмотрел на меня, положил руку на скамейку, показывая, куда можно сесть. Я села на место, на которое он указал.

- Рассказывай.

Я начала рассказывать ему всю эту историю про вчерашний день. Сама как-то не замечала, что сосед, который казался мне отдаленным не только от меня, но и от других людей стал мне ближе. В груди я почувствовала тепло, даже какую-то радость и счастье. А так может быть – это оно и есть? Может счастье – это когда тебе понимают и помогают тебе пережить трудные для тебя моменты в жизни? Мне кажется, что да.

Мы сидели где-то час, я не знаю сколько точно. Я опоздала на работу. Впервые в жизни. Представляете!? У меня началась паника.

- Ой, Владимир Алексеевич, я пойду, мне надо на работу, я уже опоздала – протараторила я, встав со скамейки.

- Может быть даже и хорошо, что вы опоздали.

- Что?

- Анна, вам нравится ваша работа, вы счастливы, когда идете туда?

- Наверное – сказала я неуверенно – Я работаю, потому что мне надо зарабатывать деньги.

- Смените работу, и тогда вы избавитесь от некоторых проблем и станете счастливее. Чем вы хотели бы заниматься в жизни?

Я немного постояла, в голове было пусто. Потом я посмотрела вдаль, и в голове промелькнули мысли.

- Художником! Нет, нет фотографом. Да, я хочу снимать природу, хочу держать в руках камеру.

- Так станьте им, если хотите быть счастливой, – сказал Владимир с серьезным лицом.

- Ладно, я постараюсь.

После этого разговора я всерьез начала думать о том, чтобы стать фотографом. Первым делом я уволилась с работы и пошла, учиться на фотографа. Я снимала природу, прохожих людей, да и вообще все что можно. Я практически не выпускала камеру из рук. Ведь оказывается, мир до такой степени прекрасен, что описать словами очень сложно! Мне хотелось переносить эту красоту на фотографию, а после показывать это другим людям. Пусть они тоже видят красоту этого мира.

С момента встречи с Владимиром прошло два года. По дороге на курсы я перестала видеть вечно сидящего соседа – скамейка была пустой или же была занята влюбленной парочкой. Я хотела сказать «спасибо» чудному соседу, но я узнала, что он переехал, и я больше не видела его. Но это уже в прошлом.

Сейчас я работаю в студии фотографии и снимаю людей на заказ.

- Улыбнитесь – говорю я людям, которые попадают под объектив моей камеры и моего мира. Они улыбаются. Теплая атмосфера их счастья наполняет всю комнату, помещение становится светлее. Их улыбки очень заразительны и после того, как я смотрю на эти улыбающиеся лица моих клиентов, на душе становится тепло, и я начинаю улыбаться вместе с ними. Вот оно счастье, которое я обрела...

Александра Трибуналова, п. Туртас

Оглавление

Воспевать тебя я не устану!	5
«Край родной не выбираешь . . .» Валерий Лавриненко.....	6
«Родной поселок» Анастасия Rogозина.....	7
«Мой Муген» Людмила Андреева	8
«Малая Родина» Александр Куклин	8
«Родное село» Ксения Соколова	10
«Любимый поселок» Маргарита Суслина	11
«Солянка» Нина Каюкова	12
«Деревенская благодать» Галина Пузина.....	13
«Деревеньки мои» Галина Пузина	14
«Мой край – как рай» Любовь Букаринова.....	16
«Сибирь» Екатерина Михайлова	17
«Моё село» Екатерина Михайлова	18
«Радость встречи» Владимир Гусейнов.....	19
«Моя Тюмень» Владимир Гусейнов	19
«У нас с тобой, район, одна судьба» Владимир Гусейнов.....	20
«Земля Уватская» Владимир Гусейнов	20
«Уватская земля» Светлана Косенцева.....	21
«Легенда возникновения Ивановки» Светлана Косенцева.....	23
«Дорога навсегда» Владимир Гусейнов	25
«Николаевское» Александр Минин.....	26
«Я не жалею ни о чем» Иван Зольников.....	27
«Вера» София Меркулова	28
«Скрипка» София Меркулова.....	30
«Вечер встречи» Раиса Порвина	31
«Таёжная история» Елена Бабкина	32
«Моя Демьянка» Анастасия Rogозина.....	36
«Рёвино» Светлана Гребенщикова	38
«Зимний лес» Светлана Гребенщикова	41
«Письмо о родном крае» Юлия Березина	45

Помнит сердце, не забудет никогда	47
«Детство, опаленное войной» Валентина Баглаева.....	48
«В День Победы» Раиса Порвина	49
«Связист» Валентина Баглаева.....	50
«Безвременно ушедшим посвящается...» Александр Куклин	51
«Из рассказа фронтовой сестры» Раиса Порвина	52
«Наша победа» Владимир Гусейнов.....	53
«Прощание» Владимир Гусейнов	54
«Мне рассказала мама...» Ксения Соколова	55
«Чтоб больше не было войны» Татьяна Костромина.....	56
«Останься живой» Татьяна Костромина	57
«Я горжусь тобой, папа!» Любовь Букаринова.....	58
«Ветеранам войны посвящается» Тамара Игнатьева	59
«Труженикам тыла» Антонина Белкина.....	60
«Память друзей» Владимир Гусейнов	61
«Новому набору» Александр Минин	62
«Распятие» Александр Минин	62
«Военных лет учителя...» Вера Кобелева.....	64
«В пасху» Елена Бабкина.....	69
«Великая Отечественная война в жизни моей семьи» Виктория Гусар	74
«Сумятица» Елена Бабкина.....	79
Тепло родного очага	85
«Все мы родом из этой деревни» Мария Першина.....	86
«Тепло отчего дома» Раиса Порвина.....	87
«Мама» Раиса Порвина.....	88
«Родной маме посвящается» Тамара Игнатьева.....	89
«Мама все ждет» Любовь Букаринова	90
«Любимая Мама» Иван Зольников.....	91
«Сыну Николаю» Иван Зольников	92
«Назвала тебя Юлей мама...» Татьяна Высоцкая	92
«Евгению» Александр Минин	94
«Наследство» Александр Минин	95
«Сыновьям» Александр Минин.....	96

«Навеки с мамой» Владимир Гусейнов.....	96
«Мамин подарок» Владимир Гусейнов.....	97
«Жемчужный вальс» Раиса Порвина	98
«Тревожное ожидание» Любовь Букаринова.....	99
«Проводила сына я» Надежда Новикова	99
«Фальшивомонетчик» Елена Бабкина	100
«В Рождественскую ночь» Раиса Порвина	104
«В ней есть душа, в ней есть свобода...» Даниил Оборовский ...	106

Полна природа озаренья..... 108

«Мой милый край, Уватская земля!» Валентина Баглаева	109
«Весна идет» Тамара Игнатьева	110
«Весна» Зинаида Сомсикова	110
«Отзимок» Раиса Порвина	111
«Май» Александр Минин	111
«Сенокос» Владимир Гусейнов	112
«Осень» Раиса Порвина	113
«Зимняя прогулка» Раиса Порвина	113
«Вьюга» Светлана Косенцева.....	114
«Берёза» Раиса Порвина	115
«Калина» Раиса Порвина	116
«Люблю восход» Галина Пузина.....	117

Разговор о счастье... 118

«Разговор о счастье» Татьяна Вохмина.....	119
«Не предсказуем словно дождь» Валентина Барнышева	119
«Рябиновая любовь» Валентина Баглаева	120
«Разговор о счастье» Татьяна Костромина.....	121
«Я в этот мир пришла с любовью» Екатерина Михайлова	122
«Всё сгинуло, пропало» Надежда Новикова	122
«Река любви» Владимир Гусейнов.....	123
«Весна, женщина, любовь» Владимир Гусейнов	124
«Удача» Александр Минин	124
«Весна надежд» Светлана Косенцева.....	125
«Я совсем большой!» Светлана Косенцева.....	126

«Вербное воскресенье» Светлана Косенцева	127
«Одиноко» Александр Минин	128
«А на сердце печаль и обида» Надежда Новикова.....	129
«Заблудшим» Любовь Букаринова	130
«Прошу Вас, уважайте пожилых» Любовь Букаринова	130
«Бродит по свету чья-то судьба» Екатерина Михайлова.....	131
«Работникам Лесхоза» Александр Минин	132
«Лучший в мире Шарик» Владимир Гусейнов.....	134
«Бесстрашный Рыжик» Владимир Гусейнов	137
«Невыдуманный рассказ» Галина Пузина.....	139
«Сосед» Александра Трибуналава.....	141

Вдохновение...

СБОРНИК СТИХОВ И ПРОЗЫ

Составители:

Тамарова Е.Г., Симухина Н.В.,
Вторушина Е.А., Лысова Ю.А.

Отпечатано в ООО «ИПЦ «Экспресс»
625048, Тюменская область.
г. Тюмень, ул. Минская, д. 3г, корпус 3.
Тел. 555-847

Подписано в печать 20.12.2019 г.
Печать офсетная.
Формат 60x90 1/16. Печатных листов 14,25.
Заказ Э-8356
Тираж 110 экз.